

ТЕМНОЕ ФЭНТЕЗИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИСТИКА

КАТЕРИНА РИШ

КОРОЛЕВА МЕРТВЫХ

СМЕРТЬ БУДЕТ ПРИХОДИТЬ К ТЕБЕ.
ДЕНЬ ЗА ДНЕМ. РАЗ ЗА РАЗОМ. И ТЫ БУДЕШЬ ВОЗВРАЩАТЬСЯ
К ЖИЗНИ, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ СНОВА.

16+

Катерина Риш
Королева мертвых

«Автор»

2018

Риш К.

Королева мертвых / К. Риш — «Автор», 2018

Всего их трое. Королева мертвых, юная принцесса и третий сын Вождя. Спустя три десятилетия, проведенных в бездействии, королева мертвых поднимется с Трона, чтобы защитить своих подданных. Юная принцесса с детства мечтала лишь об одном — стать королевой. Но судьба предложит ей корону совсем иного королевства... Третий сын Вождя добьется того, о чем не смел и мечтать, но для этого придется пожертвовать самым дорогим. Всего их трое, и встретятся они лишь однажды, чтобы дать бой древней жестокой силе.

© Риш К., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Старый друг	7
Глава 2. В дороге	14
Глава 3. Убийца	19
Глава 4. Порт Новая Раллия	22
Глава 5. Сейчас будет жарко	29
Глава 6. Дела семейные	33
Глава 7. Пробуждение	41
Глава 8. В лаборатории нежити	45
Глава 9. Котлы смерти	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Катерина Риш

Королева мертвых

Группа автора: https://vk.com/kat_rish

Буктрейлер книги: <https://youtu.be/jdkT0Xz30C4>

Пролог

Прошлое определено. А будущего, как и времени, для нее больше не существует.

Безбрежная вечность представляется ей бушующим океаном, полным осколков грязных льдин, которые гонит жалящий морозом ветер. В обречении на вечность нет ничего притягательного, но она уверена, менестрели до сих пор воспевают бессмертную жизнь в своих балладах.

Для нее смерть – высшее благо, в котором ей было отказано.

Она неразлучна со смертью. По воле последнего короля Даерона, она и есть смерть.

– Агата!

Десятилетиями она проживает один и тот же кошмар – стремительное бегство по чернильно-черной мостовой. Дождь жалит обнаженные плечи. Юбка облепила ноги. Тугие влажные локоны хлещут по лицу, когда она резко оборачивается на бегу.

В мрачной мороси за спиной не различить черных одежд преследователя. Но его крик звенит в воздухе, заглушая дробь дождевых капель:

– Агата! – Она вздрагивает и пригибается, словно окрик это выпущенный из пращи камень.

Только благодаря ледящему душу кошмару, она все еще помнит свое имя.

Каждый раз в глубине души теплится надежда, что, если сделать решающий рывок, то бледные руки не коснутся ее и она обретет свободу.

Каждый проклятый раз.

Десятилетиями.

И это бесполезно. Конец кошмара закономерен. Как ему быть иным, если, даже сквозь этот сон наяву, она чувствует стылые объятья изумрудного трона?

Она – часть этого трона. Ни один материал в мире не обладает теми свойствами, какими обладает тот, из которого создан трон. Он крепок, как камень, прозрачен, как стекло, но способен плавиться, как металл. Король усадил ее сюда в насмешку, просто еще одна изощренная пытка среди сотни других.

Насмеявшись вдоволь, король велел ей подняться.

Трон решил иначе.

Она увидела, как расширились от ужаса глаза Мельгарта. В тот же миг изумрудная корона на его голове стала плавиться, а волосы вспыхнули. Могущественный король, чья власть казалась ей безграничной, зарыдал, как младенец.

Она чувствовала, как десятки рук шарят по телу, а чужие пальцы намертво впиваются в кожу. Давление росло, иная, неподвластная разуму сила топила ее во внезапно ставшей податливой изумрудной поверхности.

Король Мельгарт рухнул к подножию трона. Магия поглотила ее ступни и икры. Текучие, неестественно гибкие длинные пальцы впились в предплечья.

Алхимик замер в центре тронного зала.

Она шевельнула лишь пальцами, не в силах оторвать от трона руку. Но алхимик не сдвинулся с места. Да и чем он мог помочь ей?

Дрожащее тело выгнулось дугой, она закричала, почувствовав, как изумрудные капли текут по волосам, вискам, щекам. Вязкая колючая, словно битое стекло, жидкость наполнила рот. Она ощутила привкус собственной крови.

– Королевство нуждается в тебе, Агата, – сказал алхимик.

А она тонула, сгорала, становилась частью этого трона...

Король умер.

Да здравствует королева!

Глава 1. Старый друг

«Его высочеству,

Наследному принцу королевства Ралли за Белым морем.

Дорогой Лиам,

Сегодня, наконец, решится – быть или не быть нашей свадьбе. Ради этого мы с отцом покинули Лиаттонский замок. Впервые я выехала за пределы столицы, впервые увидела леса, равнины и дороги собственного же королевства и лишь ради того, чтобы покинуть его.

Мои намерения стать вашей супругой тверды, как никогда. По завету королевы Аннеты, которая даже в дождливый день улыбалась скрытому тучами солнцу, я тоже стараюсь не предаваться унынию.

Как видите, из-за путешествия я не отказалась от чтения мемуаров Ораносских королев. Я взяла их с собой. Но у Геблинских болот наши лошади увязли в грязи, а у одной из карет, в которой и были сундуки с книгами, треснула ось. Для сундуков не нашлось места в других каретах и телегах слуг. Кучер обещал нагнать нас у Северной Подковы, но мы с отцом уже третий день в городке неподалеку от Дубовой рощи, а книг как не было, так и нет. Со мной остались лишь мемуары Кислой королевы и королевы-садовницы. Не самое увлекательное чтение, но даже в них я стараюсь почерпнуть жизненную мудрость, какую только могу.

Прошу меня простить, волнение из-за предстоящего ужина отразилось на моем почерке, из-за чего он еще более неразборчив, чем обычно. Впрочем, облезлые перья в доме лорда Конагана виноваты в этом не меньше.

Я допишу это письмо сегодня после ужина, после которого и станет, наконец, известно – могу ли я начинать примерку подвенечных платьев и готовиться к путешествию за Белое море.

Искренне ваша,

Л.К».

Лорна отложила перо. Посыпала бумагу речным песком и пробежалась глазами по тексту. Пожалуй, текст вышел довольно-таки сухим и коротким. Лучше бы переписать позже, разбавив пейзажами и погодой Ораноса. Только бы Лиам ничего не заподозрил. Принц не должен знать о том, какая встреча была оказана им с отцом сегодня утром хозяином Дубовой рощи.

Она займется письмом позже. Сейчас она слишком взвинчена. Даже почерк выдает ее. Хотя перья и правда ужасные, об этом Лорна написала честно.

Целых три дня они прозябали в городке у Северной Подковы, пока гонцы возвращались ни с чем. Им так и не удалось привести лорда Конагана к королю, более того, ни один из них даже близко не приблизился к особняку. Лорд-предатель палил из арбалета по королевским гонцам, как по мишеням в тире, стоило тем появиться на горизонте.

Этим утром отец сказал, что с него достаточно. Вместе с Лорной он покинул городские стены под утренний колокольный звон и направился по иссушенной зноем пыльной тропе к лесу. На горизонте высились полукругом горы, за то и прозванные Подковой.

Всю дорогу король сосредоточено грыз мундштук незажженной трубки. Ни одного из гвардейцев они с собой не взяли. Только оставшись наедине с отцом Лорна, наконец, решилась спросить, почему он так уверен, что добьется в общении с лордом Конаганом большего, чем это удалось их гонцам?

Король перекинул трубку в другой уголок рта и ответил:

– Ты задаешься таким вопросом, потому что не знаешь его так, как знаю я. Когда-то он был мне лучшим другом.

– Предатель королевства? – поперхнулась Лорна.

– Когда-то он был моим десницей, не забывай об этом.

– Он стрелял в твоих гонцов из арбалета.

Король Эдвард усмехнулся.

– Конаган отличный стрелок. Если бы он хотел их убить, то не промазал бы. Так он пытался сказать, что хочет видеть меня, а не гонцов.

– Значит, он не будет стрелять в нас?

– Думаю, обязательно будет.

– Что?!

– У него есть на то свои причины, Лорна. Вряд ли его обида поутихла, пусть и минуло три десятилетия. Но у меня припрятан кое-какой козырь, – уклончиво ответил король. – Уверен, это поможет нам.

– Ты долго его прятал.

– В этом и заключается мудрость королей. Вряд ли ты прочтешь о чем-то таком в своих книжонках.

– Это королевские мемуары, отец! Благодаря им я знаю, какой должна быть идеальная королева.

– Пусть будет так, – пожал плечами король. – Когда-нибудь тебе придется писать собственные мемуары, правда? Так что лучше знать, как это делается.

Конечно, она тоже будет вести мемуары. Их вели все королевы Ораноса и Раллии. Лорна не раз подбирала лучшую строчку для цепляющего начала.

Вот только...

– Пока мне не о чем писать.

Это было правдой. В ее жизни не произошло еще ничего захватывающего, о чем она могла бы рассказать.

– Уверен, скоро будет, – успокоил ее отец. – Будь внимательна, там за деревьями Дубовая роща, – он указал на особняк впереди. – Ты готова?

– Готова ли я встретиться со смертью? Конечно.

Отец наставил на нее палец, но сказать ничего не успел. Арбалетный болт раскроил древесный ствол чуть выше их голов.

– Как знал! – радостно воскликнул король Эдвард, проводив болт взглядом.

В биографии Лорны действительно появилось кое-что новенькое, но она никогда не напишет об этой унижительной встрече в своих мемуарах.

И тем более принцу Лиаму. Особенно ему.

– Конаган! – взревел король. – Это я! Не стреляй!

Ненадолго воцарилась тишина. Король соскользнул на землю и стал аккуратно ступать вперед, только лесная подстилка хрустела под его ногами. Ну, хотя бы руки он поднимать он не стал.

Какой же позор, Свет всемогущий... В ствол рядом с отцом впился еще один арбалетный болт.

Дружба, похоже, не прошла испытание временем.

– Уймись, Конаган! – крикнул король. – Я приехал, как ты и хотел. Не стреляй.

– Кто это с тобой? – поинтересовался грубый мужской голос.

Лорна вгляделась в фигуру между стволами.

Хотя лорд-предатель был одного возраста с ее отцом, он выглядел более подтянутым и сухопарым. Загорелая кожа казалась темнее, чем была, на фоне свободной белой рубахи, перетянутой широким кожаным поясом. В отличие от столичной моды, по законам которой мужчины всех возрастов щеголяли с усами и бородами, лорд-отшельник был гладко выбрит, а темные волосы были перетянуты в короткий хвост на затылке.

И он заряжал арбалет для третьего выстрела.

Отец рядом с ним выглядел лет на десять старше. Кажется, король подумал о том же, когда, глядя на друга, провел рукой по своей внушительной седой бороде. Король Эдвард ответил:

– Со мной дочь. Убери оружие.

Лорд Конаган недоверчиво уточнил:

– Твоя дочь? И сколько ей?

– Шестнадцать.

– И ты притащил ее, – глубокий вдох: – СЮДА?!

Арбалет был заряжен. Лорна затаила дыхание.

– Я здесь ради нее. Нам нужна твоя помощь, – ответил отец.

Конаган хмуро поглядел на Лорну.

– Как тебя зовут? – крикнул он ей.

Так к ней еще не обращались. И об этом тоже ни одна живая душа не узнает.

– Лорна Катарина, принцесса и наследница Ораноского королевства, лорд Конаган!

– Просто Рик, – отозвался предатель. – Твой отец отобрал у меня титул. Он, наверное, забыл предупредить тебя.

– Все хорошо, Лорна, – сказал король. – Сейчас Рик отведет нас к дому. Ведь так, Рик?

Радужный хозяин, наконец, опустил оружие.

– Конечно, – согласился он. – Только коней под уздцы возьмите и идем.

– Ими не займутся конюхи? – удивилась Лорна.

– У меня нет конюхов. Здесь ими займутся разве что волки, принцесса.

Кажется, он улыбнулся. Но она не была уверена – она старалась вообще на него не смотреть.

Вряд ли ей удастся избежать его взгляда во время ужина, думала Лорна теперь, все еще сидя за столом с небурными письменными принадлежностями в отведенной ей в Дубовой роще комнате.

За окном уже стемнело, но никто так и не зашел к ней, чтобы зажечь свечи. Она зажгла их сама. А еще отыскала перо, чернильницу и пергамент в ящике стола. Письмо Лиаму отняло у нее гораздо меньше времени, чем она рассчитывала. Она покосилась на неоконченную вышивку и книгу, не зная, что выбрать. Время до ужина тянулось бесконечно.

Вообще сколько Лорна не прислушивалась к звукам за дверью – ничего различить не удавалось. Не топтались по дому слуги, не гремели крышками и не стучали ножами на кухне повара.

Лорна взялась за рукоделие. Это был герб королевской династии Раллии. Возможно, этот венценосный орел однажды станет и ее гербом. Впрочем, велика вероятность, думала Лорна, орудуя иглой, что даже после замужества она все еще будет работать над треклятым фоном из мелких цветочных букетов позади куцей коронованной птицы.

Хорошо хоть, цветы расшивались нитями разных цветов. Лорна зареклась иметь дело с однотонными нитями и материями – стало ей уроком не повторять подвиги королевы Инессы, которая всегда подбирала вышивку в цвет ткани. Лорну мутило от одной лишь мысли о белоснежных розах на белоснежном атласе, кажется, она вышивала их целую вечность. Но об этом она тоже никогда и никому не расскажет. Работа вышла идеальной и точка.

Эту белую скатерть со снежными розами она взяла с собой и преподнесла в подарок хозяину дома после того, как они зашли в полутемный и притихший особняк, в котором явно не ждали гостей.

Образованные люди понимают толк в таких подарках, особенно, если их преподносит принцесса.

– Брось вон на тот стол, – велел Рик Лорне, даже не взглянув на подарок.

В животе заурчало. Лорна воткнула иголку в вышивку и отложила пяльца в корзину. Ей было чему поучиться у королевы Лианы, которая ела раз в два дня и тем самым умирала свой взрывной характер. А еще придавала лицу аристократичную бледность. Лорна раскрыла книгу.

Вспыльчивость и экспрессивность достались Лорне в наследство от отца, который, в отличие от нее, никогда не стремился к обузданию взрывного характера. Но что позволено королю, не позволено королеве. Для мужчины сыщется сотни две и еще столько же поступков, о которых стоило бы упомянуть в мемуарах. У королев с памятливыми событиями дела обстоят хуже.

Из десятка прочитанных дневников, Лорна уяснила, что кроме вязания и вышивки, королевы увлекались садоводством.

Но после губительных экспериментов с удобрениями, о которых она прочла в мемуарах королевы-садовницы, как прозвали королеву Маргери за ее пристрастие, Лорна поняла, что стоит прекратить цветочный геноцид раньше, чем она превратит королевский сад в безжизненную пустыню.

На очередном подробном перечислении изысканных блюд, от которых на таком-то пиру и в таком-то году отказалась королева Лиана, Лорна захлопнула книгу. Подобное чтение только раздорило ее аппетит. Подхватив канделябр и распахнув дверь, Лорна выглянула в коридор.

Дом тонул во мраке. «Есть кто живой?» – хотела крикнуть Лорна, но вовремя вспомнила, что в доме Конагана запрещено касаться жизни и смерти.

Лорна шла вдоль коридора мимо закрытых двери, за которыми, сколько она не прислушивалась, звенела тишина. Затем, дойдя до лестницы, спустилась в темный холл. Она не удержалась и заглянула в раскрытые двери столовой. На столе белела ее скатерть.

Ужина сегодня не будет, что ли?

Но нос уловил ароматы еды. Никогда в жизни принцесса не направилась бы к поварам выпрашивать еду, но голод приказывал пренебречь приличиями.

Оставив канделябр и задув свечи, Лорна стала спускаться по узкой лестнице. На кухне было светло и жарко, но никакой суеты не наблюдалось. При виде Лорны спящий было пес зашелся лаем.

– Место! – приказал хозяин псу. – Заходи. Я слышал твои шаги.

На кухне, кроме хозяина Дубовой рожи и его собаки, больше никого не было.

– Еда почти готова, – сказал Рик.

Вооружившись прихваткой, он приподнял крышку казана, добавил нарезанную зелень и вернул крышку на место. Озираясь по сторонам, Лорна села за стол.

– Так у вас действительно нет слуг?

– Не хочу привязываться к людям. Другое дело – собаки.

– И вы сами готовите?

– А что, не королевское это дело?

– Нет. Королевы не готовят.

– И ты не умеешь?

Ни в одних мемуарах она никогда не встречала рецептов, подумала Лорна.

– У всех есть слуги, – сказала она вслух. – А у принца Лиамы их вообще столько, что...

– Кхм, – кашлянули с порога.

Лорна обернулась.

– Отец?

– Позволь я сам, – твердо сказал король. – Конаган...

– Сядь рядом с дочерью, Эдвард. Сначала поедим.

Рик снял горячий казан с огня и поставил в центр стола на кованую подставку. Взял стопку тарелок, вилок и половник из ближайшего шкафа. Прихватил разделочную доску, на

которой под вышитым полотенцем оказался свежий хлеб. Какой простой узор, невольно подумала Лорна, а до чего красивый.

Неужели бывший лорд и хлеб пек?

Рик снял с казана крышку, и кухня наполнилась горячим ароматным паром. На тарелке Лорны появились тушенное с картофелем мясо и два куска хлеба.

– Приятного аппетита, – сказал Конаган и первым принялся за еду.

Лорну не нужно было просить дважды, но она не могла начать есть раньше короля. В отличие от Рика. Король медлил, глядя на то, с каким аппетитом Рик поглощает еду. Наконец, отец взял вилку в руки, и Лорна немедленно принялась за обжигающе горячее жаркое.

Когда первый голод был утолен, и даже собака получила кости, Рик, обмакнув хлебный мякиш в соус от жаркого, спросил:

– Итак, чем обязан, Эдвард?

Король промокнул губы салфеткой и сказал:

– За Лорну посватался единственный наследник Раллии.

– Поздравляю. Вы привезли мне приглашение на свадьбу?

– До свадьбы может и не дойти.

– Почему? – удивился Рик.

– Король Раллии выдвинул определенные условия.

– Им не дает покоя моя скромная фигура?

Король нахмурился:

– При чем здесь ты?

– Это я и пытаюсь понять, – с невинным видом ответил Рик.

– Хорошо... Я скажу прямо, – король вздохнул. – Раллии нужны прииски на севере за Даеронской грядой.

Рик поглядел на Лорну:

– То есть горный шлак это твое приданное?

– Можно сказать и так, – кивнула Лорна.

– А ораносской древесины раллийцам уже недостаточно?

Воцарилось молчание. Король повозил по тарелке картофелину, собирая соус, и только потом ответил:

– Древесина почти кончилась. Если бы ты не жил отшельником, то знал бы, что королевство едва концы с концами сводит.

– Не думай, что здесь в горах новости обходят меня стороной.

– Новости? Какие, например?

– Например, что вся земля за Даеронской грядой принадлежит нежити.

Король с невозмутимым видом разрезал картофелину пополам.

– Это мне известно, – ответил он, прожевав кусок. – Как и то, что ты единственный во всем королевстве, кому известна тропа, ведущая через Ущелье на ту сторону.

– Здесь об этой тропе знает каждая горная коза. Но ни одно животное, Эдвард, не приближается к этому Ущелью. Ты хочешь отпраздновать свадьбу? Не вешай мне лапшу на уши. Ты хочешь развязать войну.

– Разве королева до сих пор жива? – спросил король.

Рик отложил вилку в сторону.

– Она не покидала своего замка за эти годы, Рик! – продолжал король. – Ни разу! У разведки есть все основания предполагать, что она наконец-то умерла. Бесповоротно.

– Разведка может ошибаться, – холодно ответил хозяин дома. – А той силе, что уже больше трех десятилетий правит Даероном, начхать и на время, и на саму смерть. А на твою разведку и подавно.

Король тоже отложил вилку и сказал после небольшого молчания:

– Прекрати, Рик, пока я снова не счел тебя сумасшедшим, как и тридцать лет назад. Мне нужна твоя помощь. Так уж вышло, что только тебе, проклятье, знаком путь через Ущелье Тьмы. Только ты сможешь провести отряд по ту сторону гряды.

– Ты уверен, Эдвард?

– Что дальше шахтеры справятся без тебя? Конечно, уверен.

– Я не об этом. Ты уверен, что готов к войне?

– Никакой войны не будет. Раллия начала высадку на побережье Даерона почти три года назад. Никаких поползновений со стороны трона Мельгарта не было.

– Это не трон Мельгарта.

– Не важно! Никто не вмешался в их действия. Я не верю, что трупы будут отстаивать с оружием в руках своих земли. Подумай, это же нелепо! Их место в могилах.

– Они бы с тобой не согласились. Что я получу взамен?

– А что ты хочешь?

Рик расхохотался.

– Ты никак возомнил себя всемогущим, Эдвард?

– Конаган... – тяжело вздохнул король и тут же исправился: – Рик, не забывай, что ты говоришь с королем. Я могу многое, хотя я, конечно, не могу вернуть тебе твою семью. Подумай, не спеши, и ответь, что я могу сделать для тебя?

– Позаботься о моих козах.

– Ты шутишь?

– Как верно заметила твоя дочь, я здесь один. Никого, кроме Стокера, у меня нет. Если я отправлюсь в горы, то отара останется без присмотра.

– Но я король, Рик! Не пастух.

– Никогда не поздно им стать, Эдвард.

Рик поднялся и достал из буфета три глиняных чаши. Лорна успела заметить в глубине полок хрустальные бокалы, но хозяин дома не взял их. Вино было в таком же глиняном пыльном кувшине.

Разлив по чашам вино, Рик взял одну в руки и кивнул королю. Эдвард медлил.

– А если серьезно? – спросил король, глядя на хозяина дома исподлобья.

– Сними свой запрет и дай мне уйти в Даерон, – ответил Рик.

О козах он говорил другим голосом, подумала Лорна.

– Ты так и не отказался от своих бредовых идей?

– Я дал обещание, Эдвард. И держу свое слово.

Лорна почувствовала на себе тяжелый взгляд отца.

– Ради тебя, дочка, – сказал он и потянулся к вину. – Я согласен, Рик... Это козья моча, что ли? – скривился король, хлебнув вина.

Рик развел руками.

– Жаркое у меня получается лучше, чем вино, не стану спорить.

Сам он вино так и не выпил, подумала Лорна, и тоже поставила чашу на стол нетронутой.

– Послушай, на счет твоих коз... – начал король.

– Нет у меня никаких коз, – отмахнулся Конаган, снова открывая буфет.

На столе появились и хрустальные бокалы, и тонкая пыльная бутылка без этикетки.

– Неужели?... – пробормотал удивленный король.

– Из старых запасов, да. Все эти годы я ждал тебя, Эдвард.

– Тем не менее, ты совершенно зря палил по гонцам. Молодое поколение, – король указал на Лорну, – ничего не знают ни о твоём характере, ни о твоих выходах, Рик. Они действительно решили, что ты хотел убить их.

– Вот так пашешь десницей во благо короны, а через тридцать лет о тебе никто и не помнит. Помянем нашу молодость?

- Поминать не надо, а выпить можно. Мы ведь еще живы.
- Пока еще да, – согласился Рик, – но вряд ли это надолго...
- Ты все-таки сумасшедший, Конаган, – вздохнул король.

В пекло бледность, решила Лорна, и потянулась за второй порцией жаркого. Кажется, она все-таки станет женой Лиама.

Глава 2. В дороге

Если Парук и был в чем-то уверен тем утром, так в том, что Лили отвергнет его предложение руки и сердца. Как пить дать, откажет, думал он, покачиваясь в седле.

Ульрих и Клейон умчались вперед, их было хорошо видно на равнине. Впрочем, на сочувствие двух старших братьев не приходилось рассчитывать. Когда в детстве Парук слетел с необъезженной кобылы, братья хохотали до икоты над торчащей из ноги костью.

А те прыжки с крыши сарая в сугроб? Кто же знал, что снег под крышей не похож на пушистую перину? Парук, например, не знал. Потому и ушибся так, что вся спина превратилась в сплошной синяк. А братья? Хохотали, конечно. Так хохотали, что чуть сами с крыши не свалились. Но «чуть» не считается – не свалились же. Только он.

Парук размял затекшую шею, ослабил поводья и позволил кобыле идти следом за первыми двумя по ровной, без единой колеи дороге. Ничто не отвлекало его от безрадостных раздумий.

Если бы он мог каким-то чудом избежать гонки за избранницей, возможно, у него появился бы шанс. Если бы девушек можно было нагнать верхом, он бы, конечно, тоже справился.

Но никаких лошадей.

И почти никакой одежды.

Вот от чего Парук покрывался холодным липким потом.

Даже издали братья казались высеченными из камня статуями. Под рубашками бугрились рифленые мышцы, а руки были крепкими, как медвежьи объятия.

В ту ночь, когда Парук явился на свет, у Богов явно были дела поважнее.

Вдоль тракта, во время их путешествия, белели и краснели мелкие горные цветы. Парук глядел на них и думал о Лили. Скоро трава разрастется буйно, самозабвенно, зная, каким коротким бывает северное лето. И тогда настанет та самая ночь.

С самой зимы братья готовились к Солнцекресу, обсуждали стратегии и кандидатур. Парук и сам нет-нет, да думал, а что если... Чтобы Лили вместе с другими девушками пришла к костру и спустила с плеч платье, развязав тесемки юбки, и умчалась, сверкая белым телом, в лесной сумрак, Парук должен подойти к ней на закате и спросить, хочет ли она принять участие в ночной охоте?

Вот тогда-то она и откажет ему. Не раздумывая. В тот же миг.

Но ладно, кисло думал Парук, если, допустим, он соберется с духом и выпалит свой вопрос, а дальше-то что будет? Ведь по лесу придется бегать в темноте. И вот допустим, она разделась и убежала от него в чащу. Как он найдет ее там, среди бледного лунного сияния и кривых вязов?

С самого детства зрение подводило его. Парук впечатывался в стены и дверные косяки, пока не привык сначала щупать руками или ногами местность впереди себя.

Этого братья тоже не оставляли без внимания.

«Эй, Парук, не пора ли выкопать нору на заднем дворе? Может, ты оборотень, Парук? Первый оборотень-крот в истории?»

Шутки братьев давно истожились. Что Ульрих, что Клейон который год смеются над одними и теми же шутками так, словно слышат их в самый первый раз.

Следует смириться. Он не станет раздеваться вместе с остальными мужчинами и не погонится за невестами – тоже обнаженными – под полной низко висящей луной.

Он уродился полнотелым, черноволосым, с большими белыми руками и ладонями, которые покрываются кровотокающими мозолями стоит ему только взглянуть на топор для колки дров. Даже сейчас на нем перчатки для верховой езды – еще одна неиссякаемая тема для шуток.

Таким, как он, вероятно, суждено гулять на свадьбах более удачливых братьев и любоваться чужими невестами.

И все-таки они взяли его с собой.

Парук подозревал, что здесь не обошлось без отца. Скорей всего, именно Вождь настоял на том, чтобы Ульрих и Клейон взяли с собой младшего брата.

«Ему это пойдет на пользу», – часто говорил отец.

Ничего подобного, мог бы ответить Парук, если бы ему хватило духу перечить.

В детстве он чуть не утонул в горной речке, потому что закалка, по мнению отца, должна была «пойти ему на пользу». Едва не умер от боли, когда его изжалили дикие пчелы, потому что знахарка убедительно расписала, какую пользу окажут пчелиные укусы. Он еще неделю спал стоя и с него снимали лохмотьями сгоревшую кожу после того, как другая предположила, что жар полуденного солнца уж точно «пойдет ему только на пользу» и вытравит из него все хвори.

Может быть, хотя бы сейчас отец впервые окажется прав?

Ведь это путешествие уже пошло ему на пользу. Вчера братья даже не смеялись над ним и не обзывали «неженкой». У них, как и у него, от долго сидения в седле ныла пятая точка. Они разделили пищу у костра и после Парук и Ульрих улеглись спать, завернувшись в плащи, а Клейон остался в дозоре. Незадолго до полуночи Ульрих сменил Клейона, а после разбудил его, и тогда Парук дежурил до утра.

До этого братья ни разу не брали его в свои вылазки.

Если бы только Парук мог пить крепкое вино так же легко, как воду, у него были бы все шансы сблизиться с братьями по-настоящему. Он пил с ними только в первый вечер, но потом его рвало всю ночь под шуточки о «неженке».

Может быть, он еще привыкнет? Путешествие пока не окончено.

Пришпорив лошадь, Парук скоро настиг братьев. Те просто взглянули на него и кивнули, мол, хорошо, держись рядом. Обычно, Ульрих и Клейон общались при помощи взглядов только между собой. Парук распрямил плечи и улыбнулся Ульриху.

Тот вскинул одну бровь и отвернулся. Ну, не все сразу, верно?

– На дороге кто-то есть, – сказал Клейон.

Парук поглядел вдаль и разглядел черную точку.

– Кто там? – прошептал он.

– Думаешь, это королевский посланник? – спросил брата Ульрих.

– Ага, – кивнул Клейон. – Иначе зачем ему ждать нас на тракте?

– Почему ты думаешь, что он ждет нас? – спросил Парук.

– Он помахал мне, придурок, – процедил Клейон.

– Заткнись, лады? – добавил Ульрих.

Для Парука размытое пятно, наконец, превратилось во всадника на лошади.

До столицы нежити оставался еще день пути. Братья считали, что у них еще есть время подготовиться к переговорам. Но, как оказалось, нет.

Парук вел лошадь позади братьев и их плечи и головы мешали ему разглядеть, как следует человека на дороге.

Ведь он мог считать его человеком, не так ли?

Несмотря на то, что он был... ну, вернее не был. Не был живым.

На своем пути они встретили лишь один городок нежити. Вот тот полностью соответствовал представлениям Парука о том, в каких условиях должны существовать восставшие из могил трупы. Да и проезжали они мимо этого города-призрака в сумерках.

А сейчас светило солнце. Зеленые луга, которые и не снились горным пастухам, простирались по обе стороны от ровной, как стрела, дороги. Колеи на ней не было, да и откуда ей

взяться на этом тракте, ведь они были первыми за долгий срок всадниками, которые спустились с гор на земли королевы мертвых.

Не скрипели на ветру ставни с дырами-прорехами, не выл в заброшенных домах ветер. Ничего этого не было.

Только труп мужчины на мертвом коне посреди дороги.

И он улыбался им. Мужчина. Не конь, конечно.

Парук хотел бы опустить глаза и не пялиться на нежить вот так, как это делал он и, наверняка, не делали его братья, но лицо мертвого мужчины просто таки приковало его внимание.

Например, у него не было носа.

На глаза падала тень от низко надвинутой широкополой шляпы. Парук различал только рубиновый отблеск круглых глаз, которые вращались в лишенных век глазницах. Сквозь дыру на щеке виднелись темные желтые зубы. Кожа на скулах облезала и, как кора платана, свисала серыми лохмотьями.

При взгляде на черный камзол мужчины Парук не мог отделаться от мысли, что так его когда-то и похоронили. А потом он отряхнул земляную пыль с рукавов и вернулся к жизни, как ни в чем не бывало.

Мужчина восседал на мертвом животном.

Лошадь это была или конь теперь уж не узнаешь. Ясно было только то, что животное умерло, а вернулось обратно в стойла только после того, как хорошенько разложилось. Плоти на костях не было. Глаза были круглыми, красными, как два уголька, тлеющих в глазных проемах желтого черепа.

Интересно, нужны им подковы?

Живым лошадям докучали мухи и слепни. Они переступали с ноги на ногу и чуть что тянулись в траве. Мертвая лошадь стояла без движения, будто высеченная из мрамора безумным скульптуром.

Встреча лицом лицу со смертью была настолько неправдоподобной, что Парук даже не испытывал страха. Только безграничное любопытство и неестественное желание пошутить и лучше бы раньше, чем это сделает хотя бы один из его братьев.

А они обязательно пошутят об этом. Совсем не сложно догадаться, о чем его недалекие братцы станут шутить после встречи с ожившим скелетом мужчины. Их юмор не отличался тонкостью. Эта встреча давала такой простор для измывательств над щепетильной стороной жизни мертвых мужчин, что Парук был уверен – шутить будут до зимы и даже больше.

Однако Ульрих и Клейон словно языки проглотили. Такого за ними раньше не водилось.

Им следовало давно поприветствовать всадника, от которого они остановились чуть дальше, чем остановились бы от живого. Но оба брата молчали.

Ну и где ваше хваленое красноречие? Ему братья говорить запретили. Он не забыл этого. И если он нарушит наказ, то братья живо припомнят ему об этом после, когда повернут обратно. Обязательно припомнят. И не раз.

Полы черного плаща всадника трепал ветер. Ульрих закашлялся, и кашель этот был чересчур долгим.

А потом ветер переменялся, и Парук понял, почему. Он и сам едва удержался в седле. От приторно-сладкой вони гниения, которое распространял человек и его бесполое животное, хотелось перегнуться через холку лошади и распрощаться со съеденным всухомятку завтраком. И ужином. И вообще больше никогда не есть.

– Приветствуем тебя, путник, – наконец, выдал из себя Клейон.

Ульрих только шумно сглотнул.

Представитель королевы слегка склонил голову в знак приветствия. Парука передернуло от скрежета шейных позвонков. Он воздал хвалу предкам, что стоит позади братьев и может кривиться почти безнаказанно. А вот им приходилось, как говаривал отец, «держат лицо».

Интересно, а как мертвец будет говорить, если ни хрящей, ни кожи, на нижней челюсти почти не осталось?

Ульрих выпалил скороговоркой:

– Мы – три сына Вождя Троллхейма, и Вождь отправил нас в знак уважения к королеве Даерона.

Клейон добавил на одном дыхании:

– Дозволено ли нам увидиться с королевой?

Вопрос задан. От ответа не уйти.

Парук затаил дыхание.

– Вряд ли, – проскрипел мужчина.

Самый, самый отвратительный голос, какой ему доводилось слышать – царапанье, хрип, скрежет, и это все одновременно. Невероятно!

– Королева жива? Я имею в виду... – Ульрих замялся.

Треск костей выдал слабую улыбку всадника. В дыре на щеке мелькнули зубы.

Ульрих спешно продолжил:

– О королеве давно не было слышно. Вождь велел нам увидиться с ней лично. У нас важные сведения.

Узнав о предстоящем путешествии, Парук часто представлял арочные своды дворца с разбитыми витражами, где во власти мрака и сквозняков восседает на троне королева мертвых, а три живых мужчины с горных пиков уверяют ее, что без них ей не справиться. Не выжить, сказал их отец, по правде. Но после запретил им касаться темы жизни и смерти. Вот только Ульрих уже нарушил наказ отца.

– Говорите, – проскрежетал мужчина. – А я ей передам.

Ворот его камзола чуть сдвинулся, и Парук различил алую ленту. На фоне черной ткани она особенно выделялась.

Может быть, знак власти? Хотя откуда им знать, что его послала сама королева, не желая знаясь с горными посланниками, чьей бы крови они не были?

– Как вас зовут? – неожиданно для самого себя спросил Парук.

Сверкнули рубиновые глаза. Братья обернулись на звук его голоса, словно забыли, что он рядом.

Мертвый всадник натянул поводья.

Раздался перестук реберных костей, заскрипели кости и всадника, и животного.

– Так как вас зовут? – повторил Ульрих

– Лорд Конаган, – бросил мертвец, развернул лошадь и велел ей трогаться.

– Стойте! – крикнул Клейон.

Мертвый лорд не обернулся. Он удалялся по прямой, как стрела, дороге, растворяясь в пыли, как в тумане.

Они глядели ему в след какое-то время, пока Парук не сказал:

– Одно хорошо – незамеченными они к нам не подкрадутся.

– Что? – Ульрих резко обернулся.

Парук стушевался.

– Ну... Они же гремят, как бочки с камнями... Я хотел... пошутить. Разрядить обстановку.

– Не шути. У тебя не получается.

Парук знал, что получается, и куда лучше, чем удастся тому же Ульриху, но спорить не стал.

– Что теперь? – спросил Клейон. – Возвращаемся?

– Наградили же меня предки братьями! – воскликнул Ульрих. – Один трус, второй шутник. Отец велел нам увидеть королеву. Мы ее увидели?

– Нет, но...

– Никаких «но»! Сейчас этот мешок с костями отгремит вдаль. А мы поедem за ним.

Он приведет нас к королеве.

– Поедем на запах, да? – спросил Клейон с улыбкой.

Ульрих хохотнул.

– Да от тебя несет не лучше, – он толкнул брата в плечо. – Признайся! Отложил кренделей, когда увидел разговаривающего скелета? А? Да? Да?!

Парук тяжело вздохнул.

Глава 3. Убийца

Парук едва успел перевернуться со спины на живот. Спазм скрутил желудок. Его стошнило. После он отполз в сторону, все еще ощущая липкую влагу на своих пальцах.

Самое резкое и отвратительное пробуждение, какое у него когда-либо было.

– Ульрих? – спросил Парук. – Клейон?

Никто не отозвался.

От дневного света почему-то слезились глаза. Зрение не желало обретать четкость.

Под ветром кожу лица стянуло корочкой. Несмотря на движение воздуха, тошнотворный запах, вырвавший его из лап сна, будто намертво въелся в землю.

Паруку все же удалось кое-что рассмотреть – черное пятно кострища, кожаные плащи, в которые братья заворачивались перед сном, какие-то зеленые искорки и нечеткие разбросанные вещи. Лошадей не было.

Что случилось вчера? Где лошади? Парук не помнил. Вчера для него не существовало.

Последнее воспоминание обрывалось на том, как на закате они разбили этот лагерь. После дня, проведенного в седле, за преследованием мужчины на мертвом коне, Парук устал настолько, что не чувствовал ног. Боль в мышцах и сейчас была настоящей.

На закате Братья развели огонь, достали фляги с крепким вином. Из еды оставался только хребет луговой собачки, которую они поймали и зажарили еще вчера. Днем они не делали привалов и не охотились, чтобы не упустить из виду всадника. Парук помнил, что несмотря на жуткий голод, отказался от еды и, заматавшись в плащ, рухнул возле костра спать.

Где и проснулся сейчас. На следующее утро, ведь верно? Или сколько времени прошло? Почему брат, кажется, Клейон, не разбудил его перед рассветом, когда Паруку выпала очередь дежурить?

Голова раскалывалась, кислый привкус во рту обещал продолжение.

Парук пополз к лежаку справа от костра. Ладони кололи острые зеленоватые камешки, которыми была усеяна земля. Если лошадей нет, может быть, братья отправились на охоту? Непонятно только, почему без него и вдвоем. Да и как он не услышал их?

Парук нащупал задубевшую кожу плаща, шероховатую на ощупь. Под ней что-то было.

Или кто-то.

Парук провозился с плащом дольше, чем следовало. Пальцы не слушались. Плащ пришлось отдирать, словно забытую на ране повязку.

От ударившего в нос медного запаха тошнота вернулась. Парук коснулся холодного как камень тела. Пальцы стали мокрыми. Кровь еще не застыла.

Он скорее нащупал, чем увидел раны в груди и на животе. Лицо превратилось в кашу – брата было не узнать.

На четвереньках Парук пополз к другому лежаку.

Второй брат тоже был мертв. Изуродованное тело лежало в неестественной скрученной позе, а плащ был накинут сверху. Уже после того, как все закончилось.

Парук не знал, сколько времени он просидел между двух трупов.

Солнечное пятно карабкалось все выше по чистому небосклону, и колыхалось изумрудное море равнинных трав.

Их убили.

Кто-то пробрался в лагерь ночью и зверски убил их. Они были незваными гостями здесь. Что еще можно ожидать от нежити?

Почему эти убийцы, если их было несколько, – а в одиночку ни один скелет не справился бы с крепкими живыми буйволами, какими были его братья в ярости, – почему они оставили

в живых Парука? Ведь он спал в двух шагах от них. И почему шум борьбы не разбудил его? Братьев не убили одним аккуратным движением в затылок. Их раны кричали об этом.

Парук, конечно, спал мертвым сном, но...

Он посмотрел на свои руки. Потемневшие от крови и земли пальцы задрожали под его взглядом.

Когда он проснулся, его пальцы уже были в крови.

Нет... Как?... Он бы никогда... Ведь...

Ведь вчера вечером Клейон и Ульрих, конечно, подшучивали над ним. Парук терпел унизительные шуточки с самого рождения.

Он вскочил на ноги, словно от удара хлыстом. Перед глазами замелькали белые мухи, ноги едва слушались его, но он бежал, бежал прочь, не разбирая дороги. Падал в траву, но снова поднимался. Он не мог. Не мог.

Или мог?...

«Нервы сдали», – так говорил отец про одного из многочисленных братьев по материнской линии. Этот мужчина вернулся за полночь с охоты, а младенец в доме все еще не спал. Плач мешал мужчине уснуть. После – уже не мешал.

Парук споткнулся и полетел вниз с холма кубарем, даже не пытаясь избежать ударов или столкновений.

Он долго лежал внизу, не чувствуя боли в теле. Слезы скатывались в уши. Он перестал слышать мир, он лежал под этим ярким небом, призывая смерть.

Но явились только кучевые облака, пушистые и чистые, как первый снег на пиках Троллхейма.

Братья не вернуться домой. А он сам? Что скажет отцу? Как объяснит их смерть?

Вождь почувствует ложь. Он, конечно, сразу вспомнит о том деде по материнской линии. Конечно, никаких доказательств у него не будет... Но ведь теперь Вождю будет наследовать его единственный сын.

Все решат, что он убил их ради власти.

А если он станет править горными племенами, то, как Вождь, может не участвовать в бегах на Солнцекрес. Он может подойти к Лили и назвать ее своей женой, даже не спрашивая разрешения. Ему не придется догонять ее. Он остался тем же толстым, как медведь перед зимней спячкой, увальнем, а все уже изменилось. Лили станет женой Вождя, от такого статуса не отказываются. Потом она родит детей. Которые, конечно, будут кричать, дети всегда кричат.

И он... Однажды Парук проявит свою истинную сущность.

Так стоит ли возвращаться?

Парук поднялся. Усилившийся ветер едва не сбил его с ног. Он качнулся, но вопреки своим желаниям, побрел обратно к телам братьев.

Он нашел их мечи. Клинки были чистыми. Парук больше не мог думать. Ни о чем.

Он отыскал небольшую рощицу неподалеку от лагеря. Молодые деревца встревожено шелестели листьями, пока Парук мечами рыхлил землю, а затем руками разгребал ее. Потом он завернул тела в плащи, перенес и опустил в вырытую яму, сначала опустив на дно мечи.

Он не возьмет их себе. Он не намерен сопротивляться смерти.

Когда он разровнял землю, свинцовое небо разрыдалось. Парук постоял над могилой, но собрать в обрывках слов в своей голове молитву так и не смог.

* * *

Порой ночью от случайного шороха или резкого вскрика совы Парук в ужасе подскакивал, оглядывался и размахивал подобранной с земли корягой. Он не сразу вспоминал, где находится и куда держит путь, но деревья во мраке раскачивались и скрежетали голыми ветвями, и это напоминало ему о всаднике на мертвой лошади.

В память намертво врезались те несколько слов, сказанных скрипящим, как старая телега, голосом. Детали утреннего пробуждения, наоборот, меркли. Парук куда-то брел, не разбирая дороги. Иногда он падал без сил на голую землю, надеясь, что смерть заберет его во сне. А когда все же просыпался, то не осознавал в первые мгновения, не только где он, но и кто он такой.

Жаль, такие мгновения длились недолго. Беспощадная память обрушивалась полноводным весенним потоком.

Он не охотился и не делал запасов. Если попадался ручей, Парук пил. Если – нет, тоже не беда. Дожди шли часто.

Во время гроз, когда небо гремело и вспыхивало, Парук остро ощущал себя мелким и ничтожным – одним против целого мира. Он знал, величественные предки взирают на него с небес с отвращением. Но ни одна молния так и не сразила его, не прервала путь.

Даерон был огромен. Парук помнил его величие даже на картах, хотя картографы Троллахейма всячески пытались исказить соотношение двух королевств не в пользу первого. Троллахейм рос ввысь, Даерон – вширь.

Луга сменились густыми, одетыми в молодую зелень, лесами. Паруку больше не грозила голодная смерть.

За исключением всадника, он не встречал иной нежити. Это было даже странно, словно истлевшие скелеты считали ниже своего достоинства связываться с ним. Они с братьями встретили мертвеца в дне пути от столицы мертвых, но Парук, сойдя с главной дороги, вероятно, так и бродил по окраинам королевства.

Его догадки подтвердились, когда лес расступился и на горизонте Парук увидел синюю полосу моря.

Бирюзовые просторы поразили его в самое сердце. Он разделся и вошел в воду, чувствуя, как безмятежные волны бережно омывают тело.

Наверное, вода была холодной. Наверное, в разгар лета она нагревалась так, что едва не кипела, но сейчас Парук не чувствовал холода. Он был родом с севера. Там сбивали корочку льда с воды прежде, чем начать умываться.

Дно ушло из-под его ног неожиданно. Он плавал куда хуже братьев. Уроки в детстве не пошли ему на пользу, хотя отец желал обратного.

Прости, отец. Это путешествие тоже было ошибкой.

Парук ушел с головой под воду и решил, что не будет сопротивляться стихии, позволив творить со своим телом все, что угодно, но руки и ноги задергались, зашевелились сами по себе, и мощная сила вытолкнула его на поверхность.

Привкус соли на губах напомнил о крови. Он упал на волны, словно на перину, которая качала и баюкала его истерзанное тело, как материнские объятия.

Парук не знал, сколько времени искал утешение у моря. Выбравшись на берег, он не стал натягивать на себя прежнюю, перепачканную кровью одежду. Он отыскал на берегу, среди черных скал, несколько подходящей камней и укрытие от ветра. Натаскал туда веток и далеко не с первой попытки, и даже не второй, ему все же удалось высечь искру. Низкий костер окутал теплом, а усталость подкосила.

Парук уснул там же, под укрытием черных камней, которые возвышались над ним, словно надгробие.

Впервые ему ничего не снилось.

Глава 4. Порт Новая Раллия

*«Его высочеству,
Наследному принцу королевства Раллии
За Белым морем.*

Дорогой Лиам,

наверняка, я буду не единственная и далеко не первая, кто сообщит вам, что в Серных пещерах действительно найдены золотые жилы. Совместными усилиями наши королевства добились успеха.

Благодарю за письма, которые ждали меня в Лиаттонском замке. Я провела за их чтением счастливые часы. Во-вторых, благодарю за книги. Именно этих мемуаров я лишилась на Геблинских болотах. Должно быть, вы правы, и разбойники соблазнились королевскими гербами на крышках сундуков. Бедняги, увидеть бы их лица, когда вместо сокровищ они нашли книги. Я не брала с собой в дорогу редкие экземпляры, благоразумно оставив их в замке.

Присланные вами книги куда ценнее тех, с обложками из дубленой телячьей кожи. Их точно не украшали драгоценные изумруды «цвета моих глаз». Приятно знать, что вы также высоко цените книги, как и я.

Мне жаль, что от вас не ускользнуло, что мои письма действительно становятся проще и короче. Путешествие измотало меня, это так. Природа Ораноса прекрасна в первые два дня. Вряд ли я смогу любоваться деревьями дольше. В Ораносе нет природного разнообразия, как в Раллии, где пустыни на юге, пастбища на севере, на востоке – океан, а на западе самый прекрасный в мире королевский замок.

Красочные горные пейзажи и лютые зимы достались Троллхейму, плодородные земли и густые леса – Даерону. Оранос лишь узкая полоса вдоль пролива Белого моря.

Раньше при слове «Оранос» представлялись хотя бы леса, поскольку древесина с древних времен была гордостью королевства, но теперь... Увы. Возможно, это путешествие было полезно и моему отцу. Мы воочию увидели, что деревья это не только цифры на бумаге, а живые существа, которые умирают по нашей воле. И они не растут так быстро, как бы нам хотелось.

Я стала больше понимать королеву-садовницу в ее стремлениях каждый день что-нибудь сажать, «чтобы мир менялся в обе стороны». Жаль, что я не могу поступить также. Моя забота о растениях в девяти случаях из десяти приводит к их скорейшей гибели. Стойкое десятое растение на загубленной мною клумбе, как правило, выкорчевывают садовники, приводя сад в надлежащий вид.

Вы зря волновались, ваше высочество, – мы с отцом, конечно же, не нарушали границ королевства. Мои письма задержались, не потому что я решила отвезти приглашение на нашу свадьбу королеве мертвых, хотя, конечно, такая подружка невесты поднимет меня на недостижимые высоты в сравнении с остальными светскими львицами.

Прежде всего, я хотела дождаться хороших новостей из шахт и только потом писать вам.

Вы правы, я дала слишком беглое описание лорда Конагана (хотя сам он предпочитает, чтобы его звали Риком), особенно если учесть, что мы прожили в его доме целый месяц. В свое оправдание, скажу, что большую часть этого времени хозяин дома отсутствовал.

Вы ждете историй, от которых волосы встали бы дыбом, но всем этим слухам, которые распустили после возвращения Рика, есть логическое объяснение – у страха глаза велики.

За последние тридцать лет Рик и его группа стали первыми, кто преодолел Ущелье Тьмы и вышел к Серным пещерам. Более того Рик еще и вернулся обратно тем же путем. Только благодаря этому в глазах простого населения он стал чуть ли не потомственным чернокнижником, хотя на деле – всего лишь человек с феноменальной топографической памятью.

Насколько я знаю, люди из его отряда пытались зарисовать местность по мере движения, но их старания не увенчались успехом. Дорогу из Ораноса в Даерон и обратно через Ущелье Тьмы не найдет никто, кроме Рика.

Я спрашивала Рика, почему для ущелья выбрано такое мрачное название. Рик объяснил, что больше половины пути проходит не по поверхности земли, а через горное нутро, куда совсем не проникает дневной свет. Как вы понимаете, ваше высочество, для людей с богатой фантазией это слишком простое объяснение.

Рик не вернулся совершенно седым и постаревшим из путешествия, как все говорят. Рик, сам по себе, давно не молод, он разменял шестой десяток. Если бы он резко помолодел, тогда бы нам стоило насторожиться.

Само путешествие заняло у него две с половиной недели, а не два с половиной месяца, как сплетничают в Лиаттонском замке. У вас есть мои письма с датами в качестве доказательств. А тем, кто множит слухи, я не буду ничего доказывать.

Рик не живет в доме с привидениями. Я видела там только крыс размером с откормленного зайца, но и они не выли и не гремели цепями по ночам.

Такое простое и понятное путешествие породило невероятную волну глупых слухов, захлестнувших аж два королевства. Это наводит меня на мысли, а что мы действительно знаем о королеве мертвых? И как мы можем быть уверены, что наши знания не являются порождением чьей-то фантазии?

Уверена, любому крестьянину Раллии хорошо известно, что королева мертвых пьет кровь ради бесконечной жизни, но спросите людей, откуда берется эта кровь? Всем известно, что у нежити вместо крови сухая труха, значит, королеве приходится убивать кого-то еще. Но кого?

Со дня ее воцарения минуло почти три десятилетия, скольких людей она убила бы за этот срок, если бы питалась кровью живых людей? Разве эти исчезновения или убийства прошли бы незамеченными?

И это лишь малая доля вопросов, которые возникают при мысли о королеве Даерона. Похоже, мне действительно стоило съездить к замку Мельгарта. Ведь никак иначе нам не узнать правды.

Я склонна доверять Рику, который непосредственно участвовал в событиях тех лет. Он до сих пор несет наказание за это. Только он мог бы рассказать правду, уверена, ему известно куда больше, чем он рассказывает.

Но, увы. Сомневаюсь, что Рик Конаган захотел бы говорить со мной об этом, даже если бы отец не запрещал мне лезть к нему с вопросами. До начала нашего путешествия отец и не предполагал, что для Рика «эти события до сих пор открытая, не зарубцевавшаяся рана», как он сам выразился. В войне Мельгарта лорд Конаган потерял семью, и эта утрата наложила на него тяжелый отпечаток. Похоже, что он до сих пор так и не оправился.

Оранос помог возведению порта и налаживанию связей с шахтами. За все это время нежить никак себя не проявила. Это удивило многих. Почти все – и скептики, и противники, и сторонники воздвижения порта на землях Мельгарта, – считали, что нападений не избежать.

Но их не было.

Похоже, королеву мертвых не волнует, что творится на ее землях. Вот почему отец решил не только присутствовать на открытие порта, но и взять меня с собой. Мы не отправимся сухопутным путем через Ущелье Тьмы, как это сделал Рик. Мы выйдем из Лиаттонской гавани, обойдем Оранос вдоль восточных берегов и прибудем в залив Бурь как раз к началу торжественного открытия порта, прозванного... Новой Раллией.

По советам королевы Лианы сдержанность надлежит проявлять не только за столом, но и за письменными принадлежностями. Если бы именно она была вашей невестой, вы бы получали записки в три строчки, клянусь Светом.

Искренне ваша, Л.К.».

* * *

Лорна перечитывала снова и снова эти пять строк от принца. Должно быть, Лиам написал записку в полночь, перед отбытием кораблей в Даерон. Записку вместе с шелковым мешочком ей преподнес капрал, сошедший с прибывшего из Раллии фрегата.

«Любовь моя,

Открытие Новой Раллии – знаменательное событие. В знак того, что отныне между нами (и нашими королевствами) нет преград, я посылаю тебе этот подарок. Знаю, что ты противилась излишествам (прости за те книги в золоченых обложках, но иных в библиотеке замка не нашлось). Надеюсь, этот скромный подарок придется тебе по душе.

Остальное – в письмах, которые будут ждать тебя в Лиаттоне.

Надеюсь на скорую встречу,

принц, наследник и прочее, прочее,

твой навеки Лиам».

Раллия была богатым королевством, возможно, по их меркам, это и было «скромным подарком», но, по мнению Лорны, это был скорее перстень из темного золота с инкрустированным мелкими бриллиантами гербом Раллии на половину фаланги.

Лорна помолвлена. Теперь это официально.

Ей лучше бы поторопиться с вышивкой.

Интересно, когда отец объявит о помолвке – здесь или уже по возвращению в Лиаттон? Лорна видела отца со спины, он сидел в кресле, заменявшем ему трон на деревянной набережной порта. Звучали благодарственные речи запинаящихся шахтеров и работников порта.

Ярко светило солнце, и бриллианты играли на свету, стоило Лорне шевельнуть пальцем.

– Красивое кольцо, – прошептал наклонившись к ней Рик, – но сейчас вспоминают погибших в шахтах. Улыбку могут не понять, принцесса.

Лорна почувствовала, как вспыхнули щеки.

– Скоро я стану королевой, – почему-то вырвалось у нее.

Рик поглядел на нее долгим взглядом.

– Поздравляю.

– Вы до сих пор не ушли в Даерон? – решила Лорна.

Рик улыбнулся. Лежащий у его ног пес тихо гавкнул.

– Видишь ли, я жив. Это усложняет переезд.

– Зачем же вы просили у отца разрешение уйти? Может быть, вы контрабандист?

– Вряд ли кислый уксус, которое я зову вином, будет пользоваться успехом у нежити.

– Рик, давайте честно? Из всех, кого я знаю, вы единственный относитесь к нежити иначе.

Мне даже кажется, что вы... не боитесь смерти.

– При таких соседях, как наши, – это нормально.

Лорна вздохнула.

– С вами очень сложно говорить серьезно.

– Это нормально бояться смерти, когда тебе шестнадцать, принцесса. После того, как разменяешь пятый десяток, вы с ней становитесь близкими друзьями. В моем возрасте уже не веришь в жестокость смерти. Или в любовь. Вот ты ведь веришь в силу истинной любви, правда? Не ждешь предательства. Веришь, что сердце не может ошибаться. «Доверься зову сердца», правильно я говорю?

– Да, – ответила Лорна. – Даже королева мертвых любила Мельгарта, это все знают. Ради вечной любви она презрела смерть!

– Даже так? – Рик помолчал, а потом заговорил глухим голосом: – За ее любовь он убил ее. Прямо на свадьбе. А потом вернул ей жизнь. Через какое-то время убил снова. Мельгарту нравилось убивать. Особенно ее. Ведь он тоже любил ее, невероятной, ни с чем не сравнимой

по силе любовью. И сколько так продолжалось, известно только ей одной. Ни один историк не знает правды о том, что происходило в Даероне.

Зрители рассмеялись шутке оратора.

Лорна облизнула пересохшие губы.

– А вам откуда это известно?

– Я собираю эти знания последние тридцать лет... Жарко сегодня, – Рик откинулся на спинку кресла, давая понять, что разговор окончен.

– Летом, обычно, жарко, – согласилась Лорна. Она не собиралась отступать так быстро: – Расскажите мне о ней.

– Нечего рассказывать, – отозвался он.

– Это не так.

– Я предатель королевства, принцесса. Нежелательное лицо при дворе короля. Разве мне можно верить?

– Не заговаривайте мне зубы, Рик Конаган. Почему вы считаете, что она до сих пор жива?

– Ну, она пьет кровь, – с лучезарной улыбкой ответил Рик.

Помимо своей воли Лорна тоже улыбнулась.

– А кроме этого?

– А этого недостаточно? Вслушайтесь, они перечисляли имена пропавших горняков. Как думаете, куда они могли исчезнуть в пещере, из которой только один выход?

– Неужели она все-таки пьет кровь? – изумилась Лорна.

Рик пожал плечами.

– Не знаю. Знаю только, что шахтеры пропадают с завидной регулярностью. Можем отыскать после церемонии одного из них, мастера Уизли. Мы разговорились, пока пробирались по Ущелью. Славный малый, пусть и росту в нем маловато. Я рассказал ему то, о чем твой отец предпочел забыть.

– Что же это?

– Тебя не обучали истории Ораноса, принцесса, а сразу приступили к истории Раллии?

Лорне уняла гнев, понимая, что сейчас никак нельзя тратить время на глупую полемику.

Рик слишком явно старался увести тему разговора от того, что ее интересовало.

– Мои учителя подчинялись приказам короля. Как и вы, Рик, – ответила она. – О чем забыл мой отец?

Рик продолжал:

– Как поступило наше королевство, когда подтвердились слухи о том, что Мельгарт уничтожает собственный народ?

– Армия Ораноса вошла в Даерон, чтобы защитить выживших.

– Верно, только попутно солдаты захватили и золотые прииски в Серных пещерах.

– Я никогда не знала об этом, – прошептала Лорна.

– Зато Раллия знала. Последние три года Раллия регулярно отправляет людей в Даерон. Сначала небольшой лагерь на побережье, теперь порт. Через год рядом отгрохают шахтерский городок. А еще через три года никто и не вспомнит, что это были земли нежити. Все упиралось только в то, что Серные шахты "считались" собственностью Ораноса.

– Но я присутствовала на переговорах с послами Раллией! Никто и никогда не упоминал об этом!

– Будь это иначе, король не предлагал бы их в качестве приданного, принцесса.

Лорна сидела, как громом пораженная.

– Продолжайте, – велела она.

– Оранос сохранил власть над этими пещерами, поскольку со смертью Мельгарта закончилась и война за Даерон. Живых здесь не осталось, Ораносу больше некого было спасти. Королеву, которая взошла на трон после супруга, не волновала судьба пещер, хотя Даерон и

добывал в них золото. Всего лишь один из многих других приисков. Так что целое десятилетие после войны твой отец посылал сюда рабочих. Как думаешь, кто водил их через Ущелье Тьмы?

– Не может быть... – прошептала Лорна. – Но почему пещеры оказались заброшенными?

– Об истории пещер попытались забыть, и им это удалось, за двадцать-то лет. Ни один из тех, кого я отводил в пещеры, не вернулся. Я ждал их, но никто никогда не возвращался. Обратный путь я всегда проделывал сам. Если бы хоть один из них вернулся, надобность бы в моих услугах, как проводника, отпала бы. Но люди, которые спускались в Серные пещеры, исчезали. Целое десятилетие потребовалось, чтобы твой отец, наконец, отказался от даэронского золота. Он вернулся к деревьям, добыча которых происходила всяко проще.

Зрители снова зааплодировали. Среди них легко узнавались рабочие, некоторые даже не сменили рабочей одежды. Пройдет церемония, отчалят в свои замки особи королевской крови, а они снова вернутся в узкие темные проходы. По спине побежали мурашки.

– И люди опять пропадают? – спросила Лорна.

– Как видишь. Мастер Уизли обещал держать ухо востро, когда я рассказал ему о судьбе этих шахт. Раллия не предупредила своих рабочих. Они о неудаче Ораноса, как видишь, тоже предпочли забыть. Золото плохо влияет на память.

– А где он, этот мастер Уизли? Отец сказал, что мы отбываем сразу после церемонии.

– Должен был быть здесь, но он так и не подошел ко мне. А я прибыл задолго до начала.

– Вы шли по Ущелью?

– Другой дороги сюда нет.

– Один?!

– Ерунда, – отмахнулся Рик, – какие бы ужасы не скрывались в этих землях, они обитают вовсе не в Ущелье Тьмы. Там темно, но хотя бы людей не жрут.

– А вы уверены, что их кто-то... жрёт?

– Ну, может их похищают ради новой счастливой жизни. Думай так, если тебе легче.

– Так она... все-таки пьет их кровь? Ведь это значит, она до сих пор жива! Жива, понимаете?

– Ш-ш-ш-ш... – зашипел Рик. – Ничего это еще не значит.

– Почему?

– Понятно, что это земли мертвых, здесь правит смерть и все такое, но королева далеко не единственная, кто способна лишать жизни. В пещерах может обитать, что угодно и кто угодно. Поднимайся, – вдруг сказал Рик. – Король будет говорить.

Лорна глянула через плечо на цветущие стриженные газоны, на уходящие вдаль равнины, словно покрытые зеленым бархатом, и на жизнеутверждающее синее небо. До нее доносились крики чаек и шорох волн, накатывающих на возведенные в скорые сроки деревянные пристани.

Лорна никак не могла сосредоточиться на речи отца. Она снова и снова вглядывалась в горизонт, темный от прибывших из Раллии кораблей. Как много людей они доставили сюда... Некоторые даже встали на якорь в море, не заходя в порт. Зачем столько?

Она вместе со всеми зааплодировала королю, совершенно не понимая, чему все радуются.

Бриллианты на ее пальце снова сверкнули.

А Лиам, опешила Лорна. Знает ли он правду? Сможет ли она написать ему все, что узнала от Рика? И стоит ли? А если их письма читает кто-то посторонний? Если Лиам не знает всего, то, получается, отец утаил от него, как и отец Лорны, очень важные вещи. И если она вмешается...

На импровизированную сцену вышел капрал Джойс, который и передал час назад Лорне записку с кольцом от Лиамы.

Рик указал на записку, которую она все еще держала в руках.

– А почему здесь нет ни короля, ни наследника Ралли? – спросил он, когда аплодисменты стихли. – Принц написал тебе об этом?

– Королю нездоровится и Лиам не мог оставить отца одного... – ответила сбитая с толку Лорна. – А что?

Теперь и Лорна различила грохот подкованных сапог и звон снаряжения. Они маршировали, поднимаясь по деревянным лестницам на нависающую над морем набережную.

Пыльных горняков в первых рядах зрителей смыло серебряной волной начищенных до блеска доспехов. Солдаты выстроились перед капралом. Забрала опущены, щиты перед собой, будто перед ними не рабочие, а вражеская армия.

Король, шагнув к капралу, спросил, что здесь, собственно, происходит?

Джойс не ответил королю. Прямо на импровизированную сцену подвели снаряженного коня, он запрыгнул в седло, не удостоив короля Ораноса внимания, и громко обратился к зрителям:

– Порт Новая Раллия – лишь начало нашего величия. Мертвецам ни к чему плодородные равнины, которые десятилетиями не возделываются и не дают урожая.

По рядам зрителям пронесся гул.

Лорна забыла, как дышать.

– Корона признательна вам за ваш труд! – продолжал капрал: – Эти плодородные земли будут принадлежать тем, кто трудится во благо Раллии. И очень скоро! Приказом короля, я объявляю, что мы вдохнём жизнь в эти земли! Наша сталь не знает страха перед королевой мертвых! Мы идем! Здесь мы одержали нашу первую победу и отсюда начнется наше победоносное шествие по Даерону!

– Ур-ра-а-а! – громыхнули солдаты.

Рик Коанган, еще мгновение назад стоявший рядом с Лорной, вдруг возник рядом со всадником. Никто не успел среагировать.

Когда Рик резко потянул уздцы на себя, вымуштрованный конь послушно опустил голову. Капрал Джойс на миг потерял равновесие, но Рик не дал ему упасть, сгреб за ворот плаща. Что-то сказал опешившему капралу и со всего размаха врезал кулаком по зубам.

Сила удара выбила капрала из седла. Джойс повис вниз головой, запутавшись одной ногой в стремях. Какое-то время он барахтался в них, как угодивший в силки заяц. Рика оттащили от капрала. Стокер истошно лаял и рычал на солдат, защищая хозяина.

Эдвард Ораносский громогласно велел отпустить своего верноподданного.

Капрал, которому помогли подняться на ноги, утер бегущую из разбитой губы кровь и, с ненавистью поглядев на Рика, приказал освободить.

Рик выдернул свои руки даже быстрее, чем капрал договорил.

– К ноге, Стокер, – приказал Рик псу. Тот моментально притих.

– Объяснитесь, капрал Джойс, – отчеканил король Ораноса.

Военный протянул королю запечатанный свиток.

– Прошу прощения. Никто не должен был знать об этом раньше. Даже ваше величество.

Король разломил печать и пробежался глазами по свитку. Лорна заметила, как свиток задрожал в руках отца.

– Королева не позволит! – крикнул Рик. – Она не позволит забрать свои земли!

– Стерва мертва, – сплюнув кровавую слюну, ответил Джойс. – По лошадям! Выступаем!

Солдаты замаршировали на месте. Деревянная набережная затряслась.

Лорна впервые видела отца настолько растерянным. Она устремила к нему.

– Останови их, Эдвард! – крикнул Рик.

– Остановить? – переспросил отец. – И ввязаться в войну?

– Сжечь! Сжечь! – ревели солдаты Раллии. – Трупам место в могилах!

Перекрикивая гул, Рик сказал:

– Если Даерон падет, то Оранос следующий. Ты должен это понимать!

Король глядел на стальную реку перед ним.

– Теперь ты стал патриотом, Рик? – горько усмехнулся он. – Странно слышать подобное из уст предателя. Думал, ты будешь больше переживать за свой ненаглядный Даерон.

Рик отшатнулся, как от пощечины.

– Я не предавал Оранос, – сказал он. – Я десятки раз говорил тебе об этом.

Рик Конаган скользнул по Лорне взглядом. Лорна вдруг ясно поняла, что видит его в последний раз.

– Рик! – крикнула она.

Он обернулся на ее голос. Кивнул.

– За мной, Стокер! – крикнул он псу и после они вместе исчезли в толпе.

– Сжечь!

– Вернуть в могилы!

– Уходим, – голос короля звучал глухо. – Мы должны уходить, Лорна.

– Но как же Рик?

– Он выходил целым из любой передраги. Выживет и сейчас.

Глава 5. Сейчас будет жарко

Наверное, весна была в разгаре... Может, даже лето. Смена времен года больше не интересовала Парука. Было ли темно, светло, шел ли дождь или светило солнце – в этой суете не было никакого смысла.

Кожаный дублет пришлось снять, на морском берегу было слишком жарко. А после стирки в соленой воде им можно было убивать.

Парук закопал его поглубже в песок в тени деревьев. Это было странное чувство. Он будто похоронил самого себя.

Но он был жив. В отличие от его братьев.

Окончательно смыть пятна крови с рубахи не удалось. Из-за солнца, грязи и морской соли ткань посерела и местами прохудилась, так что и побуревшие пятна ей были уже не так страшны. Ни плаща, ни шляпы у Парука не было. Сапоги еще держались, хоть и изменили цвет из-за белесых разводов соли. Пояс окоченел от пота и морской соли, и Парук опасался лишний раз снимать его, как бы не разломился пополам.

Он не задерживался долго на одном месте. Шел вдоль моря и скал, иногда даже плыл, благо никакой ценной поклажи у него не было.

Он встретил нежить через несколько дней пути от того пляжа, на котором впервые перестал видеть перед глазами истерзанные трупы братьев.

Парук брел вдоль линии прибоя, когда услышал веселый хохот и брызги воды. В тот миг он не подумал о том, что стоило бы замереть, спрятаться за прибрежными скалами и переждать. Крики радости и веселья влекли его, как мотылька огонь. Он устремился вперед.

Это была женщина. К ней прижимался ребенок.

И они были мертвы.

Парук замер по щиколотку в воде. Они не сразу заметили его. Ребенок слишком увлекся, он выпрыгивал из воды, поднимая брызги, а мать, как соляной столб, стояла рядом без движения. Ветер трепал редкие обвисшие волосы, облепившие череп, одежда на ней была простой, блеклой, но целой и без дыр.

Ребенок был без одежды. В какой-то миг он высоко подпрыгнул, но волна вдруг сбила его с ног, протащила за собой по камням. Мать ожила и вытащила его из воды.

Конечно, ребенок-нежить не мог захлебнуться.

От старых привычек непросто избавиться, подумал Парук. Он решил, что видел достаточно и хотел повернуть назад, надеясь остаться незамеченным. Он говорил, что не будет сопротивляться смерти, но мать и ребенок точно не могли быть его палачами.

Парук не успел.

Ребенок закричал, показывая на него костлявыми фалангами. Вздвогнув, мать заслонила его собой. Они так и остались стоять в пенной воде. Еще мгновение назад это было развлечением, теперь они готовились к смерти.

Парук попятился, споткнулся, рухнул в воду.

– Не бойтесь! – крикнул он. – Я не причиню вам вреда!

Они ему не верили.

Парук развернулся и побежал.

Отныне и в этом краю каждый будет видеть в нем убийцу. Ему не убежать от своей сущности.

Он все равно бежал, хотя разум, кажется, давно перестал целиком владеть телом, погрузившись в оупляющий сон, из которого не было выхода.

Он ел, спал и шел, пока ветра пытались сбить его с ног, а дождь застилал глаза. Пока море обрушивалось с гулом на берег и пыталось стащить с него сапоги, Парук шел вперед, погруженный в самого себя, надеясь, что однажды это путешествие, наконец, оборвется.

* * *

Только, когда с небес обрушился ливень, Парук остановился. Сквозь стену дождя едва различалась тонкая тропинка, петлявшая среди невзрачных холмов, поросших сожженными солнцем травами. Искать здесь пещеру, в которой можно было укрыться, было бесполезно. Разве что, чью-нибудь нору.

Парук снова пошел вперед, на этот раз медленнее. Дождь жалил обожженные плечи, их никак не удавалось спрятать. По обе стороны от него дорогу размывали бурные реки грязи. Парук впервые осознал, что не знает, как очутился в предгорьях и насколько давно покинул морской берег.

Как вдруг Парук опять столкнулся лицом к лицу с нежитью. В мгновение ока разглядел и копья, и щиты, и кое-какое обмундирование, а позади скелетов черные, сливающиеся с туманной моросью, стены города. Они были солдатами и несли свой дозор на дороге.

Между расслабленными играми в воде и этой встречей на горе была огромная разница. И она-то, похоже, и будет стоять Паруку жизни.

Если бы не эта оглушающая гроза, он заметил бы их раньше. Но он брел, погруженный в бездумную пустоту, и сам был виноват в этой встрече.

Солдаты почему-то не атаковали. Они опустили щиты и выставили копья, но замерли, рассматривая туман позади Парука. Искали живое подкрепление? Может быть, ведь кто поверит в то, что он бродит по Даерону в совершенном одиночестве.

– Я один! – крикнул Парук, но голос подвел его, а гром и вовсе заглушил слова.

Он поднял руки, показывая, что безоружен и отшвырнул в сторону палку, на которую опирался при ходьбе.

Мертвый солдат в накидке с гербом Даерона – две волнистые линии, символизирующие равнины, на фоне темно-лиловой ткани, – что-то сказал напарнику. Лицо его при этом оставалось застывшим, как глиняная маска. Он не сводил с Парука красные глаза.

Второй солдат в коротком плаще, облепившем его костлявое тело, ничего не ответил, только крепче перехватил копье и тут же пошел в атаку.

Парук ушел в сторону. Он и сам не понял, как. Его тело среагировало раньше, чем разум успел осознать, что происходит. Но ведь борьба не входила в его планы, разве нет?

Значит, он должен сдаться?

Солдат в гербовой накидке тоже сделал выпад. Возможно, он предлагал взять Парука в плен и доставить его в город, но напарник, похоже, решил не доставлять в город живого человека. Им-то уж точно всяко привычнее иметь дело с трупом.

Парук ушел от второго копья, подхватив с земли отброшенную клюку.

Если бы отец не отправил их к нежити, его братья остались бы живы. Останься Парук в Троллкейме, кровавое марево не взяло бы вверх над его разумом. Это все проклятые земли Даерона.

Здесь он стал убийцей.

Парук бросился на мертвеца в плаще. Тот укрылся за щитом, выставив вперед копье, но Парук в последний миг перебросил палку в другую руку, пригнулся и ударил мертвеца по незащищенным ногам.

Десятки раз этот маневр помогал Клейону одержать победу над соперниками. Сотни раз Парук мечтал о том, чтобы повторить его.

Конечно, большая берцовая кость голени могла выдержать и большее. Но малая, старая и сухая, – раскололась от удара надвое. Мертвец упал.

Парук не знал, чувствуют ли они боль. Солдат не издал ни звука.

Тот, что в накидке, ринулся в наступление. Копье вильнуло, оно было слишком тяжелым для хорошего удара в близком бою. Парук откатился по мокрой земле в сторону.

Стражник не спешил нападать. Он аккуратно подбирался к раненому, а Парук пятился по кругу, стараясь не потерять их обоих из виду.

«Я могу бежать», – вдруг подумал Парук. Прямо сейчас можно скатиться ниже по холму, мокрая земля сработает, как заледеневшая горка. Стражник может бросить ему в спину копье, если Парук будет бежать во весь рост, не пригибаясь. Но сильный дождь помешает меткости и приглушит силу удара. У него были все шансы выжить в этом бегстве.

Он может бежать. Ведь зачем ему оставаться здесь? Он наткнулся на них случайно.

Разве... Разве он действительно намерен убить их?

Он убил собственных братьев голыми руками. Он не пожалел их. А каких-то двух тщедушных мертвецов он вздумал щадить? Ради чего?

Парук набросился на мертвого стражника с копьем. Сбил его с ног, и они вместе покатились по лужам. Копье хрустнуло. Сгнившее предплечье не продержалось долго. Когда Парук потянул на себя щит, то вырвал его вместе с костями правой руки.

Солдат впился ему в лицо уцелевшей рукой, полоснув когтями по щеке. Костлявая рука била и била по голове, тянулась к шее, ноздрям, ушам. Парук подтянул колени почти к самому подбородку и ударил нежить в грудь, прямо в герб Даерона. Под накидкой что-то глухо треснуло. Мертвец захрипел. Парук приподнял его за реберные кости и швырнул с обрыва. Скелет покатился, разваливаясь на куски. Грязевые потоки подхватили обломки.

Парук несколько мгновений глядел вниз, тяжело дыша. Затем обернулся ко второму.

Стражник уже поднялся, но стоял на единственной уцелевшей ноге, кривой, скособоченной, не предпринимая ни единой попытки к бегству или защите.

– Сражайся! Сражайся, будь ты проклят! – заревел Парук, но не услышал собственного голоса.

Гром нарастал, земля под ногами Парука задрожала и на холм, взметая сотни брызг, вылетела конница.

«Вот и смерть пришла», – подумал Парук, но понял, что у этих лошадей была плоть. Как и у их всадников.

Он перехватил взгляд ничего не выражающих красных глаз нежити за миг до того, как живая армия, не сбавляя скорости, впечатала его в землю.

Он стоял на самом краю обрыва. Окажись он рядом с мертвецом, его и самого размазали бы по грязи.

Закованные в латы всадники стальной рекой стремились к стенам города. Их было что-то около двух дюжин, не больше.

– Сжечь!

– Смерть мертвецам!

Они не скрывались, не таились, они надрывали глотки и выламывали с треском городские ворота. Старое дерево, как и старые кости, продержалось недолго. Звякнули клинки. Послышались первые крики.

Может быть, нежить не чувствовала боль. Но они чувствовали страх. Привычный уклад жизнь был уничтожен.

Эта женщина с ребенком... Могли ли они жить в этом городе? Или в другом? Ждет ли их та же участь?

– Эй, живчик!

Парук поднял глаза. Перед ним гарцевал живой конь. Всадник обращался к нему сквозь опущенное забрало.

– Живчик, ты здесь откуда? Тоже беглый?

Парук кивнул.

– Проклятые мертвяки! – крикнул всадник. – Иди вниз по склону, там наш лагерь. Тебя оденут и накормят. Ты и сам на мертвеца похож. Если бы не борода, так и не признали бы в тебе живого человека. Слышишь меня?

Парук снова кивнул.

– Капрал Джойс! – донеслось от ворот.

– Начинай! – отозвался всадник. – Уходи, сейчас будет жарко! – сказал капрал Джойс на прощание, натянул поводья и поскакал к воротам.

Жарко?

Дома вспыхнули, как иссушенное знойным летом сено. Даже проливной дождь не спас город. Ржали кони. Гремели по мощеным улицам подковы.

Небо над головой прошила молния, а потом прокатился гром.

Парук вздрогнул и побежал прочь. Дождь смешался с его слезами. Он не знал, кого оплакивал. Он и сам мгновение назад желал нежити смерти. Мнил себя убийцей.

Как же он ошибался.

Глава 6. Дела семейные

Лорна коснулась гравировки герба Раллии на кольце. В темноте каюты блеск бриллиантов померк. Резким движением стянула кольцо с пальца и раскрутила двумя пальцами перед собой на деревянной столешнице.

Сидевший позади отец глубоко выдохнул, выпуская клуб ароматного дыма:

– Прости, что ты обо всем узнала от Рика, – сказал он.

Лорна не ответила. Она много говорила до этого. Горло до сих пор саднило от горечи и невыплаканных слез, но она дала слово самой себе – она даст волю чувствам только, когда они вернутся в Лиаттон. В своей спальне, за закрытыми дверьми. Нельзя идти по пристани зареванной, с опухшими и покрасневшими глазами. Столица полнится слухами, она не даст им пищу.

Конечно, ей вряд ли хватит сил для улыбки, которая удавалась королеве Аннете, несмотря ни на что. Она улыбалась даже на похоронах собственного супруга. «Грустной улыбкой», как писали в летописях, но улыбалась же!

Тяжеленное кольцо вертелось волчком.

Они все еще сидели в каюте, одни, в ожидании того, когда им позволено будет покинуть порт. Военные суда, простирившиеся до горизонта, заполонили залив Бурь. Королевскому фрегату из Ораноса обещали дать коридор, по которому они могли бы покинуть Даерон, не столкнувшись и не протаранив другие суда.

Но уже смеркалось, а военные чины Раллии не торопились с выгрузкой солдат.

– Может быть, считаешь вслух? – предложил отец. – Какие-нибудь королевские мемуары?

Лорна покачала головой и снова раскрутила кольцо перед собой, не сводя с него глаз.

Тому, о чем она мечтала с раннего детства, не суждено сбыться. Теперь можно отложить на дальнюю полку нудные мемуары и снести на чердак нагоняющее скуку рукоделие. Можно прекратить постоянно улыбаться, подражая королеве Аннете, можно больше не мучить растения, как королева Маргери, не колоть пальцы иголками и не портить зрение мелкими узорами на вышивке, как королева Инесса, которая из-за своего пристрастия к монохромным вышивкам ослепла еще молодой...

Можно быть собой.

Но какой она была? Резкая на словах, упрямая в поступках. Всего лишь точная копия своего отца. Никаких отличительных и особенных черт, присущих ей одной. Лорна не знала, какие черты характера достались ей от матери, она умерла при родах. Мемуаров королева не оставила – не успела.

В дверь постучали.

– Войдите, – отозвался король.

В каюту вошел капитан корабля, в руках он мял фуражку.

– Отбываем, наконец? – спросил король.

– Увы, нет, ваше величество. Надвигается гроза, о которой нас предупреждали утром. Мы могли проскочить, если бы покинули залив вовремя. Маяки Даерона давно не служат морякам, а идти в шторм безлунной ночью – настоящее безумие. Этот залив не зря прозван заливом Бурь. Мы должны только переждать непогоду и выйти в Лиаттон утром.

– Проклятье!

– Сожалею, ваше величество.

– Хорошо, ночуем здесь. Отдайте все необходимые распоряжения. Можете идти. И спасибо, капитан.

– Слушаюсь, – капитан козырнул и вышел.

Отец выбил сизый пепел из трубки в пепельницу на столе, размером с две ладони Лорны. С хмурым видом заглянув в кисет, принялся забивать трубку заново. Похоже, табака ему не хватит надолго, если он собирается курить не переставая.

До них донеслись первые предвестники бури. Качка резко и ощутимо усилилась, корабль тут же отозвался жалобным скрипом перекрытий.

– Отец.

– Да, детка? – отозвался он, не отрываясь от табака.

– Как Рик Конаган стал предателем?

Отец зажег спичку и принялся раскуривать трубку. Лорна ждала. Наконец, король выдохнул густое серое облако, повисшее неподвижным туманом в каюте, откинулся на оббитую шелковой тканью спинку дивана и сказал:

– Рик Конаган был сыном десницы короля – твоего деда, Лорна. Рик, как и я, родился в столице, правда, на несколько лет раньше. Росли мы вместе. Наши отцы были неразлучны.

– Ты начал издали, – заметила Лорна. – Но продолжай.

– Мне кажется, иначе ты не поймешь, почему лорд Конаган понес такое суровое наказание за незначительный, казалось бы, для любого другого поступок. Так вот... Твой дед не отличался хорошим здоровьем и не успел присмотреть мне жену, так что на престол я вошел холостяком. Большая редкость для короля. Но я не видел в этом печали. Мне было шестнадцать, Лорна, совсем как тебе. Но ты куда серьезнее меня, ответственнее, ты столько читаешь... А я... Надев корону, я решил: «Да здравствует веселье!» Мемуары королей? Учиться править? Ха. Это было не про меня.

Отец взгляделся в очертания дыма в полумраке, словно видел в них отголоски прошлых дней.

– А вот Рик... Через полгода после траура по королю Ричард Конаган женился на первой красавице королевства. Возможно, останься в живых мой отец, она досталась бы мне, но судьба решила иначе. Молодоженам было по восемнадцать, и они были полностью влюблены друг в друга. Через год у них родила дочь. Еще через год сын. Все это время Рик Конаган правил страной вместо меня, а я... Ну, я прожигал жизнь и казну заодно. Встреча с твоей матерью образумила меня, но в те дни до этой встречи было еще очень, очень далеко... А Ричард Конаган в те дни был, как мне кажется, самым счастливым человеком в целом Ораносе.

– И это не могло продолжаться долго, да?

Король приподнял брови и хмыкнул:

– Настроение твое улучшилось, смотрю, раз ты шутишь?

– Еще нет, – ответила Лорна, но она поднялась из-за стола и пересела к отцу.

Тот обнял ее одной рукой и стал рассказывать дальше, иногда затихая для очередной затяжки. Густой дым, наполнявший каюту, очертаниями напоминал призраков.

– Счастье леди и лорда Конаган длилось четырнадцать лет. Ты можешь решить, что этого много, это почти целая твоя жизнь. Но счастливые дни промелькнули с невероятной скоростью... Ричард по-прежнему занимался делами королевства куда чаще, чем я сам. Я наградил его постом десницы и доверял ему так же, как мой отец доверял его отцу. Вместо меня Конаган поехал в Даерон на коронацию короля Мельгарта. Он стал первым королем Даерона, которому удалось объединить равнинных герцогов. Даерон вступил в эпоху своего величия, так писали о тех днях историки. Золото шло рекой в казну королевства, добыча руд не останавливалась ни днем, ни ночью, ни в зной, ни в холод. Сразу после коронации Мельгарт пошел войной на Троллхейм. Это не было войной в привычном слове, это было уничтожением. По ту пору всадники Троллхейма были разрознены, каждый держался за свою вершину. Мельгарт шел напролом, не встречая сопротивления, пока всадники не объединились. Им удалось остановить наступление Даерона. К тому же надвигалась зима. Даерон отступил. То была последняя война короля Мельгарта против иноземцев, но не последняя для его королевства. У всадников

сменился Вождь и он до сих пор правит ими. Он, бесспорно, мудрый человек, но они... они дикари, Лорна. Они пьют перебродившее молоко кобылиц и кочуют с вершины на вершину, чтобы прокормить горных коз и лошадей. Признаюсь, ко мне прибывал один из всадников. Вождь писал о возможно союзе, который Оранос мог бы заключить с Троллхеймом. Речь пока не шла о браке между детьми, но это подразумевалось...

Лорна крепче обняла отца. В глазах защипало.

– Ну, похоже, теперь у меня нет выбора, а? – прошептала она.

– Нет! Брось! За дикаря ты точно не выйдешь. Пусть Троллхейм ищет себе других невест.

– Раллии я тоже не подхожу, – всхлинула Лорна.

– Не надо, детка, – отец неловко похлопал ее по плечу. – Я напишу королю, мы найдем компромисс...

Лорна резко отстранилась.

– Компромисс?! – повторила она.

– Детка...

– Ты хочешь сказать, что не прервешь с Раллией отношений?

– Зачем мне поступать так? – спокойно спросил король. – Зачем мне вступаться за сухие кости Даерона?

– Но Рик Конаган... Он говорил, что Оранос может быть следующим, как только с Даероном будет покончено!

Король хмыкнул.

– Сердце Конагана отдано нежити. Он больше переживает за них, чем за Оранос. Отношений с Раллией я не прерву. Теперь королевством управляю я, а не Конаган. Мне решать. И как твой отец, я должен устроить твою жизнь. Ты не будешь счастлива среди гор и в шатре из козьих шкур в сугробах с человеческий рост. Уж поверь мне! Принц Лиам сделал тебе предложение, – король указал на оставленное на столе кольцо. – Наши земли все равно отошли бы Раллии после твоего замужества, понимаешь? Этот брак гарантия того, что Раллия не нападет на нас после Даерона. Но Оранос не поддержит эту войну с нежитью, это единственный выход.

– Казна Ораноса еще не отошла от той войны, не так ли? – спросила Лорна.

– Похвально, что ты в своем возрасте, думаешь о судьбе казны, – мягко, но уверенно сказал отец, – но позволь, мне ломать голову над тем, как пополнить то, что опустело десятилетиями назад.

– Я не выйду за Лиама.

– Посмотри на это кольцо. Оно стоит целое состояние. Конечно, выйдешь.

– Он предал меня.

– Чепуха, – отмахнулся отец. – Затеянная Раллией война нам на руку, Лорна. Конечно, последнее слово будет за тобой, но вы влюбились друг в друга благодаря одной только переписке. Это настоящее чудо!

– Отец!

– Лорна, не забывай про не отапливаемые шатры и горные зимы, во время которых даже кровь стынет в жилах. Сын Вождя подарил бы тебе на помолвку табун лошадей и пару чанов кисшего молока. И я даже не знаю, умеет ли он вообще писать...

Лорна поднялась и стала мерить каюту шагами. Удавалось с трудом. Пол уходил из-под ног, волны с грохотом бились о борт корабля. Доносились крики, корабль кряхтел и кренился, капитан, похоже, поворачивал судно так, чтобы качка ощущалась меньше. Если это вообще возможно во время такого шторма.

А если Лиам и вправду не знает? Если решение отца стало для принца такой же неожиданностью, как и для Лорны? Может быть, сейчас Лиам тоже ругается с отцом и требует остановить бессмысленные убийства?...

От крена кольцо покатилося по столу, Лорна вовремя протянула руку и поймала. Сжала в кулаке.

Отец перехватил ее взгляд.

– Не принимай скоропалительных решений, Лорна. Разве королевы в своих мемуарах не писали об этом?

Они не писали ни о чем полезном, могла бы ответить Лорна. Это самое бесполезное и скучное чтение, на самом деле, могла бы сказать она, но в который раз промолчала. Отец считал, что мемуары сделали Лорну ответственнее и мудрее, чем он сам в ее возрасте.

Пусть будет так.

– Садись рядом, детка. Нам предстоит долгая ночь. Вряд ли мы сможем уснуть, не привязав себя к кровати, как поступают в шторм моряки, – отец потянулся к кيسету, но потом отдернул руку, видимо, вспомнив, что табака там осталось совсем мало. – Ты еще хочешь знать, что случилось с Ричардом Конаганом? – спросил он.

Лорна кивнула.

Цепляясь за мебель, Лорна приблизилась к канделябру на столе. Его основание хоть и крепилось специальными скобами к столешнице, но из-за сильной качки стол забрызгало жидким воском. Ради безопасности стоило потушить свечи, что Лорна и сделала.

Вспышки молний озаряли каюту холодным бледным светом. Лорна вернулась обратно к отцу. Он крепко обнял ее и спросил:

– И на чем я остановился?

– Ты сказал, что все началось с того дня, когда Конаган отправился вместе с семьей на коронацию Мельгарта...

Король переждал, пока отгремел гром, и сказал:

– Да... На той коронации должен был присутствовать я, но деснице и тут пришлось отдуваться за меня. Отчасти и на мне лежит вина за то, что произошло дальше... Сыну Конагана, Винсенту, тогда только исполнилось четырнадцать. В Ораносе он был оруженосцем всеми уважаемого, но дряхлого рыцаря. Разумеется, парню это было не по душе. А Мельгарт объявил о грядущей войне с Троллкеймом сразу же, как на его голову надели изумрудную корону Даерона. К вечеру юный лорд Конаган уже упротил короля сделать его своим оруженосцем. Конаган не мог перечить воле короля. Так их сын ушел на войну, с которой через год... не вернулся. Это был большой удар для Рика и его жены. Три раза за следующий год отец ездил в Даерон, чтобы вернуть тело сына и похоронить его на родине. Каждый раз Конаган возвращался ни с чем. Тогда же из Даерона стала приходить вести одна страшнее другой. Поначалу в них отказывались верить. Говорили, что мертвецы встают из могил и присягают на верность королю. Говорили, что клинок Мельгарта, с которым он отправился в горы, проклят. Даже, что сам король умер на войне, но черная магия вдохнула в него новую жизнь. Сама понимаешь, каких усилий стоило леди и лорду Конаган слушать подобные предположения...

Король перевел дыхание:

– Сейчас бы вина... – вздохнул он. – Вернувшись с севера, Мельгарт вдруг объявил войну собственному народу. Он шел с огнем и мечом по некогда самому богатому королевству и предавал людей смерти. Это уже не было слухами. Потоки беженцев хлынули в Оранос по морю. Вначале мы принимали их. А потом... Среди них оказались мертвецы. Мы закрыли порт. Пришлось выставить жесточайшую охрану. Но ничто не могло остановить обезумевших от страха людей. Они прыгали в воду, чтобы доплыть до берегов Ораноса, они тонули по пути или умирали. Так не могло долго продолжаться. Я велел выступить. Наша армия высадилась на Даеронском берегу. Тогда-то мы и заняли Серные пещеры, как тебе и сказал, Рик. Все чаще приходили вести, что люди из-за ситуации на море пытаются добраться до Ораноса горными перевалами. Мы не могли допустить этого.

Лорна вздрогнула. В темном небе будто выстрелила пушка, затем еще раз – ей еще не доводилось слышать такого сильного грома. Раскаты, с грохотом горных обвалов, прокатились по небу.

– Золото было последним, о чем я думал в те дни, – продолжил отец. – Главным было то, что мы до сих пор не знали, из-за чего люди превращались в нежить. Лекари предполагали болезни, которые могли разноситься по воздуху, в воде, в пище... Объясняли превращения лихорадками и потерей веса. Люди сторонились всех и каждого. Какие-то группы убивали беженцев из страха заразиться, другие помогали им кровом и пищей, за что гнев оборачивался против них. В те дни Оранос, как и Даерон, находился в шаге от гражданской войны.

– Мы так и не знаем, как они стали нежитью, – прошептала Лорна.

– Нет, – вздохнул король. – Поток беженцев оборвался внезапно. Буквально в один день. Наши корабли ждали, но больше никто не появился. Так мы поняли, что в живых больше никого не осталось.

По иллюминатору, словно бледные пальцы мертвецов, струился дождь. Лорна поежилась от холода и крепче прижалась к отцу. При свете дня эта история звучала бы совсем иначе.

– И что случилось с Риком? – прошептала Лорна.

– В первые дни сами ораносцы, которые желали спасти людей, собирались в группы и высаживались в Даероне. Переплавляли даеронцев к нам. Но после я ввел туда армию, а каждого, кто ослушался королевского приказа не пересекать границу, ждала казнь. Рик Конаган, конечно, знал об этом, но все равно решил уйти в Даерон. Я так и не получил от него ответа, почему он забрал с собой и жену, и дочь. Если он получил какие-то известия о своем сыне, ну, что он тоже стал нежитью, как-никак оруженосец мертвого короля, то зачем ему понадобилась вся семья? Тогда-то Рик Конаган и открыл Ущелье Тьмы неподалеку от своей Дубовой рощи. Никто не знал об этом подземном туннеле раньше. Считалось, что горы между двумя королевствами совершенно непроходимы.

Лорна поежилась, представив молодую девушку и ее мать в подземном темном переходе, пока Рик Конаган, без сомнений, подгонял их вперед, объясняя, что в этих подземных туннелях нет ничего такого, с чем бы не справился свет факела...

– И вы остановили семью Конагана? – спросила Лорна.

– Конечно, беглецов заметили и даже узнали... Но это был десница короля и он хорошо умел заговаривать зубы тому, кто готов был слушать. Только поэтому их не убили на месте. Рик убедил солдат в невозможном, что сам король, то есть я, послал его на переговоры с Мельгартом. Необъяснимое появление Рика тоже сделало свое дело, ему выдали карету и лошадей, и семья Конагана двинулась вглубь Даерона.

Король задумчиво коснулся трубки, но вспомнив, что табака больше нет, продолжил:

– Конечно, они пустились за ним в погоню, но время было упущено. Когда Ричарда Конагана нашли, ни жены, ни дочери рядом уже не было. Его доставили в Лиаттон, допрашивали и судили, как предателя королевства. Но Ричард... Ох, он производил впечатление сумасшедшего. То, каким ты видела его сейчас, спустя три десятилетия после тех событий, не передает и десятой части того, каким Ричард Конаган был в те дни, когда занимал пост десницы и был самым счастливым мужчиной королевства. Все ждали, что он неожиданно умрет и поднимется нежитью. Даже ставили ставки... А я... Я так и не смог подписать приказ о его казни.

– Что он говорил на суде?

– Он рассказывал о Смерти, которая явилась к нему в дом и звала с собой. Что его бегство не было предательством, наоборот, он остался верен данному возле алтаря обещанию быть вместе, пока смерть не разлучит их. Иногда вполне ясно он говорил о своей жене, но тут же сбивался на судьбу дочери. Он не смог внятно объяснить, куда они исчезли. В последний раз солдаты видели и Рика, и его жену живыми. О том была ли дочь рядом с ними, ответы свидетелей разнились. На все вопросы о детях Рик Конаган отвечал только одно: «Он убил их. Он убил

их всех». Разумеется, он говорил о Мельгарте, но все знали, что его сына на войне сразил меч всадников Троллхейма, и король был не причем. А дочь последние полгода и вовсе не покидала особняк Конаганов, это подтвердили слуги и другие свидетели. Я спрашивал Рика, нужно ли организовать их поиски? Я хотел помочь. Но он сказал, что не надо беспокоить мертвых... Около года он провел в тюрьме. Так не могло продолжаться дальше. Я лишил его имущества, оставив ему только один особняк и несколько акров земли вокруг него. Ту самую Дубовую Рошу. По иронии судьбы, неподалеку от Ущелья Тьмы...

– Неподалеку от пещер с золотыми жилами, ты хотел сказать.

– Золото никогда не было главным, – покачал головой король. – Он был мне другом, Лорна. Я сделал все, чтобы сохранить ему жизнь. Я убедил королевство и дворянство, что будет лучше, если мы оставим предателя в живых, и тогда он еще послужит нам. Рик согласился помочь. Что было дальше, ты знаешь. Он сам рассказал тебе... Ты слышала? – король вдруг выпрямился.

– Что? – Лорна тоже прислушалась.

За обшивкой корабля ярилось море, скрипели перекрытия, гремела гроза. Расслышать что-то кроме этого было невозможно.

– Показалось, наверное, – прошептал король.

И тогда Лорна тоже услышала... как кто-то скребет когтями по деревянной обшивке по ту сторону двери.

Затем раздался собачий лай.

Лорна подскочила на месте. Собака громче заскребла когтями, словно вырывая под дверью яму.

– Кто это? – прошептала Лорна.

– Думаю, пес Конагана, – ответил отец. – Ты помнишь, как его звали?

«А вдруг там не собака?» – подумала Лорна, но промолчала.

– Стокер! – озарило ее.

Услышав свою кличку, пес за дверью зашелся в радостном лае.

Дочь с отцом переглянулись.

– Я открою, – кивнул он.

Король поднялся, распахнул дверь и громко спросил:

– Ты всегда любил эффектные появления, не так ли?

Дверь распахнулась настежь. Первым в каюту, радостно помахивая хвостом, вошел мастиф. Следом... его хозяин. С одежды Рика ручьями текла вода, словно он только что побывал за бортом корабля.

– Что ты здесь делаешь? – спросил король.

Им приходилось держаться за стены и прибитую к полу мебель из-за сильной качки.

Рик указал на принцессу:

– Я пришел за Лорной.

– Что?! – хором отозвалась Лорна и ее отец.

В ответ Рик подтолкнул короля к стеклу иллюминатора и сказал:

– Смотри внимательно, Эдвард.

– Твою мать... – прошептал король.

– Что там? – подала голос Лорна.

– Зеленые молнии... – хрипло ответил король, выпрямляясь.

– Раллии не стоило дразнить смерть, – сказал Конаган.

– Ты был там?

– Они еще далеко, а я потерял бы много времени на обратную дорогу. Мне хватило того, что я видел возле порта.

– Сколько у нас времени? – спросил король.

– Ровно столько, чтобы подготовить шлюпку и выйти в море.

– Сейчас?! – ахнула Лорна. – В такую грозу?

Они не слышали ее.

– Эдвард, – Конаган обращался только к ее отцу, – немедленно садись в шлюпку и плыви прочь от берега. Плевать на шторм. По сравнению с тем, что сейчас движется к порту, шторм последнее, о чем тебе стоит беспокоиться.

– Я могу укрыться за кораблями Раллии, использовать их как щит, – сказал король. – Этого будет достаточно?

– Да. С берега тебя не достанут. Флот Даерона вроде как сгнил в полном составе. Молись, чтобы так оно и было. Нежити хватит и одного фрегата в этой бухте, где кораблей, как селедок в бочке.

– Куда ты заберешь ее? – король кивнул на Лорну.

– В Ущелье. Мы переждем там и тронемся в Оранос только на следующий день. Запомни, Эдвард, только, если ты не пришлешь к нам гонца.

Король молчал. Конаган надвинулся на него:

– Хоть кто-то из королевской семьи должен выжить.

У Лорны подкосились колени.

– Действуй, – хрипло отозвался король. – Лорна. Подойди.

Она поднялась с дивана и на негнувшихся ногах, шатаясь из-за качки и слабости, приблизилась к отцу. Он порывисто обнял ее, она уткнулась носом в пропахшую табаком бороду и одежду.

– Папа, не надо... Я останусь с тобой.

– Нет, детка, – он провел рукой по ее волосам. – Рик, наверное, единственный, кому я могу доверить тебя. Позаботься о ней.

– Слушаюсь, ваше величество, – Ричард Конаган склонил голову. – Принцесса. Нужно идти.

– Отец...

– Иди, Лорна! Я знаю, ты жалела, что мы не отправились в Даерон через Ущелье Тьмы. Детка, это твоё первое настоящее путешествие. Отнесись к этому именно так. Хорошо?

Она почувствовала, как Рик сжал ее запястье и потянул к выходу. И подумала, что если бы не ностальгические рассказы о прошлой дружбе, вряд ли ее отец согласился бы так быстро передать ее во власть Конагана.

– Отец! – крикнула она, но Рик уже тащил ее к лестнице, ведущей на верхнюю палубу.

Мимо них скорым шагом прошел капитан корабля, даже не взглянув ни Рика, ни на принцессу, словно она с ним были призраками.

– Ваше величество, армия Даерона!... – донесся до Лорны голос капитана.

– Спускайте шлюпки на воду... – прервал речь капитана отец.

Остатки фраз поглотила стихия. Рик Конаган рывком распахнул дверь, ветер обрушился на Лорну, ливень посек лицо и плечи ледяными каплями.

– Я не оставляю отца!!

Она попыталась вырвать руку, но Конаган вытолкнул ее под струи дождя, и Лорна мгновенно промокла до самой последней нитки. Замысловато уложенная прическа была уничтожена. Волосы облепили лицо, шею и плечи. Тяжелая, набравшая воду, юбка пригвоздила к палубе.

– Смотри! – проорал ей в ухо Конаган и развернул за плечи так, чтобы она увидела небо.

Зеленые полосы, как тонкие пальцы северного сияния, о котором Лорна только читала в книгах, захватывали небо, подбираясь все ближе и ближе к порту и кораблям. И это несмотря на дождь и затянутое тучами небо...

– Что это? – прошептала Лорна.

– Смерть, – ответил он.

Глава 7. Пробуждение

– Ваше величество... – эхо множит слова раскатами грома.

Изумрудные объятия Трона держат крепко, даже пальцем не пошевелить. Ее глаза закрыты, голова клонится к груди. Она не спит, хотя иногда видит один и тот же сон.

«– Агата!»

– Ваше величество?

Первое эхо и второе сталкиваются. Сквозь гул и грохот слов она различает скрип костей – кто-то приближается.

Неуверенно, словно первый раз в жизни, она распахивает глаза.

Перед Троном королевский алхимик.

Ка'аз-Рат, всплывает его имя. Рубиновые глаза в пустых глазницах мертвеца пылают гневом. Выпирающие из-под плоти кости разрывают прохудившуюся черную ткань. Красная лента, пересекающая грудь, напоминает рубленную кровоточащую рану.

– У меня срочные донесения, ваше величество! – скрипит Ка'аз-Рат.

Она смеется. Неожиданно для самой себя и тише, чем хотелось бы. Но эхо пустого Тронного зала наделяет смех недостающей силой.

Что для смерти «срочность»? Разве время имеет хоть какое-то значение?

Ка'аз-Рат неловко опускает голову, но не преклоняет колена. Она понимает, кости не позволяют.

Она смеется и над этим тоже. Мертвый алхимик кривит лишенный губ рот. Дыра на щеке обнажает желтые зубы.

А она?

Истлела ли ее кожа тоже? Может быть, лицо тоже изрыто дырами? Она смеется, представляя это.

Смех нарастает грохочущей лавиной, и обрушивается со сводчатого потолка вместе с осколками мозаичных зеленых равнин.

Королевство мертво. Теперь им правит Смерть на изумрудном Троне.

– Агата, – вдруг произносит алхимик тем самым голосом.

У этих слов нет эха.

Ее смех замирает на полувдохе. Грудь сдавливают тиски хрупкого с виду стекла, цвета топкого болота.

Разве она смеялась? Да как ей вообще удалось?

Она ведь мертва.

– Королевство нуждается в тебе, Агата, – в звенящей тишине произносит Ка'аз-Рат.

Однажды она уже слышала от алхимика эти слова.

В тот день, когда Мельгарт поднял ее за талию и швырнул на Трон, она забилась в изумрудный угол под пристальным взглядом рубиновых глаз короля, а он сказал:

– Я взял тебя в жены. Отобрал твою жизнь. Но до сих пор не знаю, достойна ли ты править Даероном? Покажи, что ты достойна этого!

Воле короля нельзя перечить. Иначе тебя ждут голод и пытки. Сначала одной рукой, потом второй она коснулась зеленых подлокотников, выпрямила спину. Трон обжег голую кожу холодом.

– Голову выше! – прокричал король. – Ты носишь корону!

Она подняла подбородок, поседевшие за одну ночь волосы рассыпались по кружеву белого платья. Она глядела на своего мучителя сверху вниз, стараясь преисполнить взгляд величием.

А он расхохотался от того, какое же это жалкое зрелище, а после бросил:

– Встань и не повторяй этого больше.

Трон был иного мнения, и король умер у ее ног. После ночей, полных изощренных пыток, она не раз мечтала о его смерти, надеялась, отобрать его не-жизнь собственными руками.

Но Трон отомстил за нее.

Она помнит, как протягивала руку алхимику, надеясь на помощь, но он оставался недвижим.

– Королевство нуждается в тебе, Агата, – произнес алхимик тогда, когда Трон поглощал ее на его глазах, и он же произнес эти слова сейчас.

Как и в тот, последний день ее жизни, спящий все эти год Трон вдруг оживает. Темно-зеленое стекло вспыхивает изнутри. Зеленые искры, как куски льда в половодье, движутся, притягивают ее взгляд.

– Королевство нуждается в тебе, Агата! – почти кричит Ка'аз-Рат.

Каменные тиски ослабляют объятия. Ее качает, как если бы она плыла по волнам. Тело утратило опору.

– Живые пришли на земли Даерона! Они уничтожают твоих подданных! Распоряжаются землями так, словно они принадлежат им. Поднимайся, Агата! – кричит алхимик, воздевая костлявые руки к дырявому куполу Тронного зала. – Трон Даерона выбрал тебя! Пришло время показать живым, что значит, посягать на земли мертвых!

Каждый камень разрушенного королевства никогда не забудет своего последнего короля. Земля не избавится от ржавого цвета пролитой крови, а стылый ветер – от запаха смерти. С мечом в руках король Мельгарт погубил сотни жизней. Все они до сих пор не знают упокоения. Их призраки шепчут, воют, кричат и стонут в королевском замке, повторяя ставшие последними для них фразы короля-убийцы.

Сейчас души здесь, заполонили Тронный зал, осветили его рваным холодным свечением, словно луна рухнула с небес на землю и разлетелась на сотни осколков.

Последняя изумрудная капля соскользнула с ее запястья. Прозрачная поверхность снова стала твердой.

Трон отпустил ее.

Она сгибается, обнимая саму себя. Пальцы скользят по белому кружеву свадебного платья. Она снова сжимается в комок, забиваясь в зеленый угол. Длинные белые волосы закрывают лицо.

Королевский алхимик подходит ближе, протягивая руку.

Она глядит на лишенные кожи фаланги пальцев и думает о том, как сильно нуждалась в этой руке помощи тогда... сколько лет прошло с того дня?...

Она помнила величие Тронного зала, но золотые канделябры потускнели, расколотые мраморные плиты усыпаны рухнувшей с потолка мозаикой.

Расширяющийся книзу рукав свадебного платья соскользнул, обнажая ровную, без следов разложения кожу.

Она позволила алхимику помочь ей встать. Ослабшая, приникла к его впалой груди, чувствуя под одеждой лишенные плоти кости.

– Теперь им не уйти от смерти, – проскрежетал Ка'аз-Рат.

У этих слов снова появилось эхо.

* * *

– Все эти годы я не прекращал своих исследований, госпожа. Я добился потрясающих результатов, – проскрежетал Ка'аз-Рат.

Вместе с ним королева покинула Тронный зал и теперь он вел ее по притихшему, темному замку к алхимическим лабораториям в склепах замка, в которых больше некого было хоронить. Призраки замка следовали за ней по пятам.

Вспышки молний выхватывали из тьмы мертвых дворян и слуг. Ее не пугали торчащие кости и гниющая плоть. Утратившая эластичность кожа, цветом напоминавшая заплесневевший пергамент, быстрее всего сходила с самых подвижных частей тела – коленей, локтей, пальцев, предплечий и челюстей. У многих сгнивали хрящи – носы вваливались, а уши отсыхали. Выпадали волосы, обнажая кривые желтые черепа.

И у всех глаза были словно налиты кровью. Ни зрачка, ни радужки, ни век. Ничего похожего с живыми лицами – только два горящих уголька в глазницах черепа.

Она была другой. Сейчас, глядя на своих подданных, королева наиболее остро ощущала то, насколько сильно она отличается от своих подданных.

– Они не ожидают, что мы ударим этой ночью, – говорил мертвый алхимик.

Сама она еще не проронила ни звука.

Они.

Те, кто за одну ночь стерли с лица земли два городка нежити, ближайших к заливу Бурь, где когда-то располагался королевский порт. В лунную летнюю ночь, если бы не гроза, она увидела бы со стен замка даже отблески горящих городов на горизонте. Армия врагов была ближе, чем казалось.

Золото. Конечно, их влекло золото. Мертвым оно ни к чему.

Королева сжала изумруд на своей шее, гладкий и холодный, как осколок льда. По форме камень напоминал слезу. В том, что случилось сегодня ночью, виновата она и ее бездействие.

Трон Даерона выбрал ее.

Она не стала выговаривать алхимику за то, что он не «разбудил» ее сразу же, как узурпаторы ступили на их земли. Они оба понимали, каковы в этой войне шансы нежити. Пока живые не вступили в открытое противостояние, Даерон мог стерпеть их присутствие на своих землях. Ценные металлы действительно ни к чему заживо гниющим мертвецам.

Но живые не стали довольствоваться приисками Серных пещер.

«Достойна ли ты править Даероном?...».

Королева следовала за королевским алхимиком по развалинам замка, некогда считавшимся одним из самых красивых. Она мечтала танцевать в этих залах, в которых теперь только призраки бесшумно скользили по пыльным мраморным плитам.

Ка'аз-Рат распахивал перед ней одну дверь за другой. Скрип дверных петель оглашал мертвый замок истошным визгом.

Гулкий зал, вымощенный темным камнем, сейчас кажущимся почти черным, был последний на их пути. Ка'аз-Рат распахнул перед ней двери, и королева застыла на месте.

Здесь.

Это случилось здесь.

Боль воспоминаний прошла ее насквозь.

– Моя госпожа? – спросил Ка'аз-Рат.

Она не отозвалась. Она не знала, каким стал ее голос. Способна ли она вообще говорить...

Здесь, в этом зале, она говорила, улыбалась в последний раз, хотя уже тогда внутри нее все сжималось от страха.

Ее свадьба с королем. Ее первый и последний танец. День, когда она впервые надела белое кружевное платье и уложила в высокую прическу отливающие медью волосы.

Он убил ее здесь. Прямо в танце.

Пока горели тысячи свечей, и они были одни, пока тихо звучала музыка, Мельгарт вел ее в танце, бережно обнимая, и она впервые подумала, что, может быть, он способен измениться? Может быть, она все-таки будет с ним счастлива?

Сталь королевского клинка ударила точно в сердце. И на теле появился первый тонкий аккуратный шрам.

Он не хотел уродовать ее. Он восхищался ее красотой, и до, и после череды смертей и воскрешений. Король стал ее личным Творцом и Убийцей.

Трясущимися руками она коснулась белого кружева на груди, еще хранящем каплю крови. Крови было немного. Сам Мельгарт говорил ей об этом. Теперь она помнит.

– Госпожа, что вы делаете? – шепчет Ка'аз-Рат.

Кажется, он испуган. Хотя что может испугать такого, как он?

Ветхая ткань легко рвется. Белые пуговицы горошинами разлетаются по зале.

За серыми пыльными окнами сверкают молнии. Она дрожит, но вряд ли от холода, который ей больше не ведом. Последними она скидывает с ног белые туфли.

Он надевал их и снимал с нее лично. Десятки раз.

– Сжечь, – впервые произносит она, указывая на ворох из белых кружев.

Ее голос дрожит от гнева и отвращения. Теперь только длинные белые волосы скрывают ее наготу.

– Мы должны спешить, госпожа.

Босиком по пыльному мрамору она прошла мимо застывшего в проходе алхимика, бросив через плечо:

– Вели принести мне новую одежду.

Она прошла через открытые двери первой, совсем не чувствуя своей наготы. Лишь привычно коснулась шеи, но не почувствовала ожерелья с изумрудом. Возможно, ветхие звенья не выдержали тоже.

Да будет так.

Достойна ли она короны?...

Да. Ведь Трон Даерона выбрал именно ее. И пришло время отомстить за отнятые жизни ее подданных.

Королева мертвых отлично знала, если смерть пришла за тобой, убежать от нее уже невозможно.

Глава 8. В лаборатории нежити

Парук рухнул в жидкую грязь. Легкие горели. Ему удалось убежать достаточно далеко – крики «Сжечь! Сжечь!», наконец, стихли.

Он тщетно пытался отдышаться, лежа на спине и жадно глотая капли дождя пересохшими губами. Как вдруг желудок скрутило, Парук перевернулся, упершись дрожащими руками в землю. Дождь скрыл шум их приближения, но не запах. Сырость сделала свое дело, усилив то, от чего и прежде хотелось вывернуться наизнанку.

Его еще сотрясали спазмы, когда в шею уткнулось что-то острое, а над ним застыли два мертвеца в потемневших от дождя лиловых накидках со знакомым гербом.

Желудок был пуст, но стоило ему вдохнуть, как внутренности сворачивало узлом, а по телу пробегала судорога.

Нежить была немногословна. Один все еще держал приставленным к его шее клинок, а второй, наспех обыскав, связал руки и ноги.

Парук не знал, откуда только у него нашлись силы, чтобы подняться на ноги. Его шатало. Несколько раз снова рвало по дороге.

А в той стороне, куда вели стражники, вонь только усиливалась с каждым шагом. Даже ослабевший и истощенный, то и дело сгибающийся в спазмах, Парук понимал, что дело его плохо. Не осталось и следа от былой воинственности, проявленной им при случайной встрече с городскими дозорными.

Пришла пора быть честным с самим собой – он обещал не сопротивляться смерти. Она шла за ним, верхом на живых лошадях, в искрах пожарах, которые, без сомнения, совсем скоро охватят все королевство нежити. Парук оказался между молотом и наковальней. Его бегство сейчас только отсрочит неизбежное.

Нежить вела его за собой на веревке, как животное на скотобойню. Парук спотыкался, из-за связанных ног он семенил следом за ними, как девица на балу.

А неутомимые небеса рыдали серой пеленой дождя, размывая и без того глубокие рытвины дороги, и сводя на ноль любые попытки Парука разглядеть хоть что-то вокруг себя.

Он видел только наспех сколоченные, скособоченные телеги, укрытые плотной мешковиной. В таких случаях стражники отводили его на обочину, где ноги утопали в грязи едва ли не по колено. В такой миг Парук и оглядывался кругом, потому что пока его вели, все его внимание было приковано к земле под ногами.

Он видел разбросанные пятна желтого света, вероятно, факелы, скрытые от дождя под каким-то укрытием. Между пятнами света темнели массивные кривые тени. Парук решил, что это горы? Или здания? Пока одна из теней не двинулась в бок, оглашая окрестности протяжным стоном.

Дождь по-прежнему заглушал большинство звуков, а остальное поглощали раскаты грома, но иногда Паруку все же удавалось выхватить протяжные стоны, глухое рычание и звон стекла. Звуки, от которых у него еще сильнее сводило живот.

А потом свежий воздух просто кончился.

Один бесконечный смрад заживо гниющих, размокших под дождем, тел. Конвой остановился. Парук не сразу понял из-за него или просто они пришли. Он лежал в грязи, не в силах справиться с собственным телом. Каждый вдох усиливал тошноту.

Его тащили какое-то время, как упрямого осла, надеясь, что он все-таки поднимется на ноги, но он все не поднимался. Протация его совсем немного, нежить остановилась.

Доносились голоса, кашель и отрыжка, но вряд ли это была та самая сытая отрыжка после плотного обеда. Уж кто-кто, а Парук это понимал.

Натужно заскрипели ржавые петли, две пары костлявых рук толкнули его куда-то в пышущую жаром тьму. Парук споткнулся из-за связанных ног, упал, головой уперся в чье-то тело, еще живое, попытался подняться, но кто-то наступил ему на руки.

– Закрывай, – проскрипел голос позади.

Снизу ойкнули, сбоку зашипели, а Парук, цепляясь за всё и всех, кто подворачивался под руку, старался подняться на ноги. Он не даст себя запереть в этой переполненной людьми клетке!...

Лязгнул металл, заскрежетал ключ.

– Не пускай его к решеткам! – прохрипели сбоку. – Это мое место!

– Да как не пускай? – пискнул кто-то внизу. – Ты его видел?

Парук развернулся, отдавив чьи-то ноги, вцепился в холодные мокрые прутья решетки. Он опоздал. Стражники удалялись, а он оставался в клетке. Дождь лил, как из ведра, крыши не было.

Кто-то постучал его по плечу. Парук хотел было обернуться, но завяз в этом людском болоте. Худые бледные лица смотрели сквозь него и стонали.

Нежити среди них не было.

И это никак не утешало, вдруг понял Парук. Клетка, в которой держат живых людей, как это вообще может утешать? Для чего их держат? Почему?

Кто-то грубо ткнул его пальцем под ребра. Сминая людей плечами, Парук все-таки обернулся.

Совершенно белые из-за вспышек молний лица уставились на него. Ближе всех стоял мужчина с черными усами. Он-то и надвинулся на Парука, нахмутив брови:

– Это мое место! – он ткнул Парука в грудь пальцем. – Ты его занял!

Парук совершенно не понимал, о каких местах идет речь. Его сюда втолкнули насильно, неужели никто не видел?

– Отстань, Привратник, – снова прозвучал сдавленный голос снизу. – Шовчик придет, его первым заберут. Плохо разве? Снова у двери встанешь.

Парук повертел головой, но никого не увидел.

– Ниже, – объяснил голос.

Парук опустил глаза. На него глядел темноволосый мужчина с ярко-рыжими усами. Ростом он был где-то по локоть Паруку. Одной щекой он вжимался в прутья решетки.

– А кто такой Шовчик, коротыш? – спросил Парук.

Ему казалось важным прояснить сейчас именно это. Грозный Привратник не пугал его также сильно, как это, что-то неведомое.

– Уже не важно, – безмятежно ответил коротыш.

– Почему?

– Идет! Шовчик идет, – встревожились бледные лица вокруг.

– Поворачивайся! – крикнул рыжий коротыш. – Лицом к прутьям!

– Что?...

– Быстрее! – гаркнул Привратник. – Ты новенький, не привык еще!

В этот раз люди умудрились схлынуть назад, позволив ему снова обернуться и уткнуться лбом в прутья клетки. Кто-то тихо заплакал.

– К чему я еще не привык? – бросил через плечо Парук.

Привратник что-то промычал. Он натянул на лицо край мокрой рубахи, и Парук не разобрал слов.

А потом пришел запах и все вопросы отпали. Это была вонь такой силы, что Парук согнулся пополам.

Коротыш, ставший одного с ним роста, похлопал его по плечу.

– Постарайся, чтобы тебя рвало за решетку, усёк?

Удушливый запах накрыл клетку. Рыдания сменились характерными звуками – кто-то еще не выдержал вони. Теперь понятно, почему его оставили возле прутьев.

– Шовчик идет... – шептали за его спиной, всхлипывая.

Земля содрогнулась, клетка задрезжалась. Потом тишина, и еще один тяжелый шаг грузной глыбы, которая надвигалась на них из-за стены дождя, сотряс землю.

– Нас... убьют? – прошептал едва слышно Парук.

По примеру Привратника он натянул до самых глаз край мокрой рубахи, дышать стало немного легче.

– Лучше бы убили, – глухо отозвался Привратник.

– Им не нужны наши жизни, – прошептал вдавненный в прутья коротыш. – Только наша кровь.

Кто-то заревел совсем рядом, заглушая грохот грома. Вспыхнули по обе стороны от клетки желтые пятна факелов. К клетке стала приближаться нежить. Совсем еще дети, встретившие смерть в юном возрасте. На всех были плотные плащи с широким капюшоном. Свет выхватил и другие клетки по обе стороны от той, в которой заперли Парука.

– Ученики алхимика, – объяснил усатый коротышка. – Пришли за новыми жертвами.

– А потом? После всего люди возвращаются?

– Их возвращают, – мрачно ответил Привратник позади. – Если повезет, то ты очухаешься в клетке уже после того, как из тебя выцедят кровь.

– Всю кровь? – уточнил Парук.

– Ага, ты будешь висеть на крюке у них в шатре, а они будут дырявить тебе пятки, и с тебя будет капать, как с сосульки по весне. Нежити не важно, помрешь ты прямо там или в клетке после.

– Сколько их в шатре во время этого?

Коротыш присвистнул.

– Молодой и горячий, – сказал он. – Значит, проживешь недолго.

Привратник кивнул, соглашаясь:

– Ага, глупая идея.

– Ну и сидите здесь! – огрызнулся Парук. – А я не останусь! Эй! Эй! – закричал он, привлекая внимание учеников алхимика.

Мальчики обернули к нему свои ничего не выражающие застывшие лица, обтянутые сухой желтой кожей. Один махнул рукой, два других направились к ним от других клеток.

– Вот гаденыш, – прошипел Привратник.

Люди стали кричать громче, а Привратник, грубо работая локтями, стал пробиваться сквозь толпу к задней стенке клетки. Отстаивать свое место у входа он уже не собирался.

Факелы не приблизились к клетке. Они оставались под навесом, натянутым на четырех вкопанных в землю палках. Оттуда донесся первый душераздирающий крик. Зрение Парука не позволяло разглядеть четких деталей.

Нежить уже орудовала ключом в замке.

Темная застывшая гора ожила и двинулась, громыхая цепями, к ним. Парук услышал шумное хриплое дыхание, а потом тьма расступилась, и Шовчик предстал перед ним во всей своей «красе».

Мокрая рубаха не спасла от миазмов, которые источал Шовчик. Впервые Парук подумал, что, возможно, это была не такая уж хорошая идея, тошнота могла сильно помешать ему. Но деваться было уже некуда.

Ученики распахнули дверцу клетки. Они не опасались побегов. Люди вжались в противоположные стенки. Но чья-то рука толкнула Парука в спину и он полетел вперед, на порог.

Тогда же Шовчик протянул к нему свою синюшную трехпалую лапу, грубо сшитую воедино черными швами. Два пальца обхватили Парука и подняли в воздух. Ладонь была склизкой и холодной, некоторые швы расходились, сквозь них проглядывало темное мясо.

Парук увидел перекошенное лицо без носа, только с дырками, как у змеи, и с одним глазом на голове, формой напоминавшей стухшее яйцо. Воняло от него так же. Под глазом зияла рана, и Парук не сразу понял, что это рот монстра. Зубов не было. В плечи и руки были впаяна шипованная броня, по которой сейчас барабанили капли дождя.

Шовчик нагнулся во второй раз. Снизу послышался истошный крик, но сверху, где болтался в первой руке Шовчика Парук, он казался писком. Рядом с ним поравнялась еще одна жертва. Из бледного кулака торчала темная голова с рыжими усами и материлась.

Парук задыхался из-за нехватки воздуха. Ему казалось, он потеряет сознание прямо сейчас, не дожидаясь того, когда нежить пустит ему кровь.

С двумя руками Шовчика поравнялась третья, а следом и четвертая рука. И только тогда он двинулся, шлепая по грязи, в сторону палатки с факелами. Внизу заскрипели несмазанные петли, и это было последнее, что услышал Парук.

Зловонная тьма поглотила его.

* * *

Острая боль прошла его насквозь, словно кто-то развел костер прямо под его пятками и медленно их поджаривал.

Он закричал во всю мощь своих легких, но получился лишь невразумительный сдавленный хрип.

Голова кружилась, никакой опоры под ногами не было. Лучше бы у него и ног не было, мелькнула мысль. Он дергался, извивался, стараясь затушить охватившее его нижние конечности пламя, скинуть вещи, которые могли гореть. Но слышал только скрип ржавого металла, а боль не уходила.

Пока кто-то не произнес рядом с ним:

– Что с ним?

Если бы смерть могла разговаривать, у нее был бы именно такой голос.

Парук разлепил глаза, из-за яркого изумрудного сияния, затопившего всё кругом, глаза слезились, но Парук усилием воли все же держал их открытыми, жадно всматриваясь в ту, что стояла неподалеку и как бы снизу от него.

Высокая, неподвижная фигура в плаще, цвета пожухлых фиалковых лепестков. Лицо скрыто широким капюшоном, из-под которого струятся длинные белые локоны, даже блее самого чистого лунного света.

– Предсмертные судороги, – поспешно ответил другой голос, прозвучавший как скрип несмазанной калитки.

– Предсмертные? – ее голосом можно было резать камни.

– Бестолочь! – заскрежетал третий голос.

Послышался глухой щелчок, словно кто-то проверял на спелость спелую и полую внутри тыкву.

Парук впился взглядом в третью черную фигуру, которая отпихнула в сторону того, чей голос напоминал скрип, и поравнялась с той, что была смертью во плоти. Его черную одежду пересекала яркая красная полоса.

– Он всего лишь ученик, ваше величество.

От звучания этого голоса Парук задрожал мелкой дрожью.

Поднятые над головой связанные руки с каждым мигмом каменели все сильнее. От кончиков пальцев и до локтей расползлся холод. Бесчувствие распространялось по телу, от плеч до живота, как волна яда. Совсем скоро он перестанет чувствовать собственное тело.

– До тех пор, пока в Даероне остается хотя бы один живой солдат, ты будешь продолжать свою работу, – сказала женщина.

– Слушаюсь, ваше величество.

«Отец, я все-таки встретился с ней... – подумал Парук. – Отец, я все-таки встретился...»

Но я подвел тебя, подвел братьев...».

Гул в ушах заглушил большую часть слов. Королева мертвых прошла вдоль стен, источавших зеленое сияние. Зрение снова подвело его.

– Сколько у нас снарядов? – спросила она.

– Хватит для того, чтобы дойти до залива, – ответил мертвец.

– Ты многого добился за эти годы, Ка'аз-Рат.

– Я служу Даерону.

Парука била дрожь; зазвенели цепи, на которых был подвешен к крюку Парук. Королева резко обернулась. Капюшон скользнул с головы, серебристые волосы рассыпались по плечам.

Парук еще не встречал такой завораживающей, пугающей красоты – он ожидал увидеть разлагающийся труп с отваливающейся, возможно, челюстью, с лохмотьями кожи, как у советника или кем он приходился ей. Она умерла тридцать лет назад... А выглядела фарфоровой куклой – из-за тонких черт лица, худобы и неестественно бледной кожи, которую только подчеркивал темный плащ и яркие кроваво-рубиновые глаза. Словно мертвая принцесса из хрустального гроба, которая, не дождавшись принца, сама отбросила крышку и пошла прочь по хрустальным осколкам.

Ка'аз-Рат, как ревнивец, проследил за взглядом королевы. Парук затряс головой, надеясь, что отросшая борода, грязь и истощение спасут его от чрезмерного внимания мертвеца.

– Отвяжите этого несчастного, – сказала королева, указав на Парука затянутой в черную перчатку рукой, – с него явно достаточно. Не хочу, чтобы он умер у меня на глазах.

Ка'аз-Рат махнул ученикам, взглядываясь как-то уж чересчур внимательно в Парука. Но королева уже обернулась к мертвецу, накинув на голову капюшон.

Ученики взобрались на помост и стали развязывать узлы на кистях рук. Внизу другой ученик поспешно отодвигал стеклянную, полную крови емкость.

– Выдвигаемся, – приказала королева.

– Слушаюсь, моя госпожа, – проскрежетал Кааз-Рат.

Парук рухнул на землю, как куль с мукой. Сил подняться не было, голова невообразимо кружилась. Если сейчас он ничего не предпримет, то вернется обратно в клетку, чтобы кровопускания продолжились в скором времени.

Мертвый ученик бегло обработал его раны, толкнул к Паруку снятые с него сапоги. Он потянулся к ним, но к пальцам еще не вернулась чувствительность, обе руки, словно два обрубка, были совершенно бесполезны в борьбе с сапогами. Он слышал звон цепей, рядом отвязывали и опускали других.

Ка'аз-Рат скользнул взглядом по людям, и Парук пригнулся к самым сапогам, позволив отросшим грязным паклям закрыть его лицо. Ученики отвязали следующего, и Парук увидел рядом с собой того самого низкорослого мужчину с рыжими усами. Он был бледен и тихо шевелил губами, шепча себе в усы молитву.

Сражаясь с сапогами, Парук оглядел помещение, в которой они находились. Каменные стены не источали сияния, как ему показалось вначале. Вдоль них, от пола до самого потолка, тянулись полки, заставленные стеклянными пузатыми колбами, наполненными той самой зеленой жидкостью.

Снаряды.

Вероятно, это не все запасы Даерона. Есть еще, если их хватит, чтобы дойти до залива. А для чего нежити кровь живых?

– Шевелись! – ткнул его носком сапога Ка'аз-Рат.

Парук не поднял головы, только кивнул. Грубые лоскуты, которыми ученики обмотали его израненные пятки, уже набухли из-за крови.

– Отведите этих и приведите следующих, – хрипло приказывал мертвец, – нам понадобится много крови, – с этими словами он вышел.

Знакомый по клетке коротышка уже натянул свои сапоги и подполз ближе.

– С ума сойти... – пробормотал он. – Видел ее?

Ученики велели им подняться. Парук осторожно наступил на раненные ступни и мягко перекатылся с носка на пятку, пока ученики связывали их с коротышкой вместе. Шовчика нигде не было.

Это был его шанс. Плохо только то, что его связали одной с гномом веревкой.

Мертвый мальчик потянул их за веревку и повел за собой. Второй ученик вел еще двоих, но они быстро отстали – один из пленников потерял сознание. Парук внимательно глядел по сторонам, и быстро понял, что из-за упадка сил после продолжительного кровопускания никто не ожидал побегов. Он воздал хвалу предкам Тролхейма, что после кровопускания к помощи такого четырехрукого чудовища, как Шовчик, который мог усмирить любого, уже не прибегали.

Парук тоже чувствовал слабость. Раньше он вырвал бы веревку из костлявых пальцев ученика одним рывком. Сейчас, когда они отошли на приличное расстояние от каменного убежища, но еще не дошли до клеток, он со всей силой, на которую только были способны его бесчувственные пальцы, раза три дернул за веревку.

По-прежнему, шел дождь, а рядом с ними не светили факелы. Даже сейчас Парук был выше и тяжелее мертвого мальчика, который замер от неожиданности, когда веревка выскочила из его рук. Парук толкнул его в грязь лицом и побежал прочь от желтых пятен и шатров, от которых несло медным запахом крови.

– Э-э-э-эйй! – крикнул коротыш.

Проклятье.

Не говоря ни слова, Парук подхватил его и посадил себе на спину, как ребенка. Бежать сразу стало тяжелее. Коротышка хоть и был в половину его роста, но весил, кажется, как вполне упитанный взрослый мужчина.

– Шо-о-овчик! – вдруг прямо в ухо заорал коротыш.

Из тьмы проступило бесформенное тело. Монстр зарычал.

Коротыш ошибся. Это был кто-то другой, очень похожий на Шовчика, но у этого были только две, непропорционально длинные руки и он опирался на них при ходьбе. Он рычал, обнажая острые клыки, грудь его пересекали железные цепи, за которые он тащил... вязнущую в грязи катапульту.

Парук бежал, не замедляя шага. Ученик уже мог поднять тревогу.

– Пригнись! – крикнул он коротышке.

– Ты куда-а-а-а...

Но Парук уже скользнул под живот монстра, слишком огромного, чтобы тот замедлил свое движение ради какой-то мелюзги. На пузе, прямо над их головами, сходились три грубых шва, воспалившихся и гниющих заживо. Парук задержал дыхание.

– Ежики-лягушки, – сдавленно прошипел коротышка. – Меня шас вырвет...

Тяжелая и прямая, как колонна, рука впечаталась в жидкую грязь. Громыхала катапульты...

Снаряды, снова подумал Парук и выскочил на другой стороне от монстра.

Тот не замедлил своего движения, подгоняемый криками и ударами хлыста. Наездник, если и был, то сидел где-то на уровне плеч. Сверху ему было не разглядеть беглецов.

Парук бежал, бежал изо всех проклятых сил, что у него были. Бежал ради братьев и отца, ради того, что он уже знал. Ему многое нужно было обдумать и взвесить, еще не время умирать.

Они встретили еще одного монстра на своем пути, хотя, на самом деле, их было еще больше. Стоны и грохот, звонкие удары хлыстов, рычание разозленных тягачей раздавались отовсюду.

Все они двигались к порту.

А потом Парук понял, что бежит, совсем не разбирая дороги. Он просто-напросто не видел ее. Дождь, тьма и слабость почти полностью ослепили его.

Он споткнулся и рухнул в жидкую грязь. Коротышка вовремя спрыгнул. Парук почувствовал, как натянулась связывающая их веревка. Он жадно глотал прохладный сырой воздух, а сердце колотилось в груди так, что казалось вот-вот выпрыгнет.

– Ежики-лягушки... – прошептал коротышка. – Ты только погляди...

Парук лежал, не в силах пошевелиться. Он чувствовал жар, растекавшийся по ступням. Наверняка у него в сапогах полно крови.

– Я ничего не вижу... – прошептал он.

– Хреново, – отозвался коротыш. – Отдохни чуть, дальше я поведу. Здесь оставаться никак нельзя. Тут щас такое начнется...

– Куда... поведешь?

– Знаю тут одно местечко надежное. Под землей. Туда дорогу найду, жаль, что там уже не разберусь. Но хотя бы переждем...

– Как тебя зовут? – прохрипел Парук.

– Уизли Шмуцтайтл, – сказал он. – Можешь звать меня просто Уизли. Я горняк из Раллии. Отблагодарю, чем смогу, если переживем эту ночь. Твое имя-то как?

Парук назвался.

– А ты не из наших, Парук? – спросил Уизли.

– Нет...

К нему медленно возвращалось зрение. Он сел, на ощупь стянул сапоги, вылил натекшую кровь, заново замотал пропитавшиеся кровью тряпки.

Они стояли еще какое-то время на холме, глядя вниз, где медленно ползла к горизонту, охваченному оранжевым пламенем пожаров, вереница зеленых огней. Те самые котлы.

А следом за ними впряженные в катапульты чудовища.

«Одной королеве не выстоять, – объяснял Вождь трем своим сыновьям. – Не выжить, если ее существование вообще можно назвать жизнью. Если солдаты Раллии ступят на земли Даерона, это станет концом для королевства Мельгарта. Я не хочу новой войны. Прошлая война с Даероном забрала моего отца, и в день, когда я стал Вождем горных племен, я обещал самому себе, что в мое правление я сделаю все возможное, чтобы избежать смертей... Отправляйтесь к ней, если она еще жива, и скажите, что Троллхейм готов помочь Даерону. Пусть наши союзники будут мертвецами. У каждого свои недостатки. Я заключу союз с кем угодно, лишь бы остановить притязания короля Раллии, которому подавай мантию императора».

Когда Парук отдохнул и они тронулись в путь, изумрудное свечение уже полностью охватило горизонт.

«Кажется, ты недооценил мертвецов Даерона, отец», – подумал Парук.

Глава 9. Котлы смерти

Натянутые стены шатра бились на ветру. Толстые ковры постелили поверх жидкой грязи, кажется, даже в несколько слоев. В мутном дымчатом зеркале, стоявшем по центру шатра, королева казалась самой себе призраком, чье возвращение к жизни было ошибкой.

Руки мертвых прислужников ловко застегивали заклепки и стягивали ремни нагрудника, другие уже крепили небольшие округлые наплечники, пока третьи шнуровали высокие, до колен сапоги, в двойной коже которых были прошиты стальные пластины.

Ка'аз-Рат вошел в шатер за миг до того, как королеве набросили на плечи плащ, а волосы заплели в косы и закрепили на затылке. Алхимик прошел через шатер и бережно положил поверх письменного стола нечто, обернутое в выцветший королевский плащ.

– Что там? – спросила королева.

Ка'аз-Рат отбросил ткань в сторону.

Королева остановила жестом слугу, и тот замер с инкрустированным изумрудами шлемом в руках.

Она ощутила страх, глядя на молочно-белую сталь. С этим мечом король вернулся из северного похода на Тролхейм, с этим мечом пошел войной на собственный народ. И этот меч лишил ее жизни.

Клинок последнего короля Даерона теперь принадлежал ей.

– Он слишком тяжел для меня, – сказала королева. – Убери.

Все эти годы клинок, прозванный Воскрешающим, смиренно покоился в замке. Королева помнила о нем, но покинула замок, так и не распорядившись о том, чтобы взять его с собой.

– Оставьте нас! – велел Ка'аз-Рат слугам.

Королева приняла шлем из рук слуги. Они с алхимиком остались одни.

– Это символ вашей власти, госпожа, – сказал Ка'аз-Рат.

– Я не подниму его, – упорствовала королева.

– Сейчас нет.

– Что значит «сейчас»?

Не говоря ни слова, алхимик достал из-за пазухи пузырек, выдернул пробку и капнул янтарной жидкости на клинок.

– Смотрите, – сказал он.

Сталь вспыхнула. Рукоять задрожала, и меч стал уменьшаться на глазах. В небе над шатром прокатился раскат грома, к нему присоединился размеренный бой барабанов, а двуручный клинок на письменном столе, охваченный зеленым пламенем, сжался до размеров кинжала.

Ей не убежать от него.

– Проверьте теперь, – проскрежетал Ка'аз-Рат, обнажив желтые зубы, очевидно, в улыбке.

Королева жала рукоять. Полоски кожи, оплетавшие рукоять, были горячие на ощупь. Жар хлынул по руке, сконцентрировавшись в груди. Она попыталась освободить руку, на костлявые пальцы Ка'аз-Рата легли сверху ее руки. С той же улыбкой он держал ее, пока странствующий внутри нее жар, сжигал то небольшое сопротивление, на которое она еще была способна.

Потом жар исчез.

Ка'аз-Рат отпустил руку и сказал:

– Я помогу надеть вам шлем.

Королева разжала левую руку, которой прижимала стальной шлем к груди. С торжественностью, словно водружал ей на голову корону, Ка'аз-Рат, воздев костлявые руки к трепыхавшимся полотнам шатра, надел на нее шлем.

Затем прошел ко входу и откинул полу шатра.

– Ваше величество, пора.

Она подняла со стола полегчавший клинок и спрятала в ножнах на бедре. У шатра, под дождем, невзирая на бушующую стихию, ее ждали подданные.

Оваций не было. Она прошла сквозь этот молчаливый строй бледных, истлевших тел и запрыгнула в седло. Снова ударила молния, а с ней еще одна, но никто не дрогнул.

В неровном белом свете, смешанном с желтизной дрожащих на ветру факелов, королева мертвых подняла клинок над головой и указала на озаренный пламенем горизонт.

– Вперед! – крикнула она, и ее внезапно окрепший голос разнесся далеко вокруг.

Мертвый конь под ней встал на дыбы. А затем сорвался с места.

Она не чувствовала дождя и холода. Не знала усталости. Ее не удивило, что клинок в ее руке вспыхнул, источая зеленоватое свечение.

Она королева Даерона, отныне и навеки. Смерть над ней не властна. Она и есть смерть.

Она мчалась впереди, а верные рыцари – следом. Их было немного. Кортеж Мельгарта в свое время был куда многочисленней.

Они скоро настигли стен горящего Каймарата – второго сожженного города армией живых. Дождь все еще не прибил опалявшее небеса пламя. Будь они живы, удушливый смог горящих домов и трупов не подпустил бы их так близко.

Но они не чувствовали запахов.

Спасать было некого. Поминать погибших мертвецы предпочитали в битве.

Королева мертвых поскакала дальше. Дорога была изрыта длинными полосами рытвин, значит, катапульты уже впереди и ждут ее. Она должна торопиться.

Ближайший к порту город, Балцаг, располагался на возвышенности. Он тоже все еще горел, ветер сносил черный дым в сторону моря.

В долине, на которой три десятилетия назад устраивали ярмарки и первыми встречали прибывших гостей, теперь затопило зеленое сияние. Здесь было почти так же светло, как и днем.

Катапульты стояли стеной, поодаль друг от друга, некоторые все еще сколачивали, вбивая последние гвозди. По центру уже возвели еще один походный шатер для королевы, а рядом с ним примитивную смотровую башню.

К ней-то королева и подвела коня и, прыгнув, поднялась по сходням наверх, на ровную площадку, на которой пришлось схватиться за вбитый поручень. Ветер с завыванием трепал плащ.

Впереди виднелись огни порта. И где-то между зеленой смертью и некогда величественным королевским портом мчались на всех порах трусливые солдаты, не пожелавшие вступить в бой с нежитью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.